

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СЫЩИК И ВОР

БРАТЬЯ НАВЕК

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Сыщик и вор – братья навек

«ЭКСМО»

2000

Колычев В. Г.

Сыщик и вор – братья навек / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2000 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Скрипач – коронованный вор в законе. Никита – мент. Когда-то они учились в одном классе. А теперь непримиримые враги. Но старая дружба не ржавеет. И когда в городе вспыхивает кровавая резня, а власть бессильна перед отморозками, только вору и менту по плечу навести порядок...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Колычев

Сыщик и вор – братья навек

Часть I

Глава 1

Тринадцатилетний мальчик с внешностью печального ангела играл на скрипке. Он играл легко и непринужденно. В нем чувствовалась мастеровитость не по годам. Но широко распахнутые глаза оставались равнодушными. Он не волновался, не переживал вместе со своей скрипкой. Казалось, он просто отрабатывал свой номер. Черные, гладко причесанные волосы, темно-синие брюки, белая рубашка, галстук-бабочка... – ни дать ни взять пай-мальчик, который беспрекословно слушается своих родителей и учится только на «отлично».

Впрочем, так оно и было. Евгений Лагунин учился в седьмом классе и был круглым отличником. Учителя на него никогда не жаловались, а родители вообще не могли на него нарадоваться.

Антонина Егоровна Лагунина с умилением смотрела на своего сына, звуки его скрипки ласкали ее материнское сердце.

Когда Женя оторвал смычок от струн, опустил руки и сдержанно поклонился, школьный зал зашумел аплодисментами. – Какой чудесный сын у нас растет, – со слезами на глазах сказала Антонина Егоровна, легонько толкая мужа. – Увидишь, он еще с Большим симфоническим оркестром играть будет...

* * *

Сама она выросла в деревне. Сельская школа, работа по дому и на огороде, потом на ферме – ничего другого в пору своей молодости она не знала. Потом вышла замуж, вместе с мужем перебралась в город, поселились в общежитии. Сейчас работала на заводе, в «горячем» цеху. Существование было по-прежнему нелегким. Но сына она хотела вырастить интеллигентом. Не просто интеллигентом – непременно скрипачом.

* * *

Два юных фехтовальщика в белых костюмах и непроницаемых шлемах пружинили на ногах, пытаясь уколоть один другого. Тот, который был покрупнее, постоянно атаковал. Но неудачно. Его соперник вроде бы как с лентой, но успешно уклонялся от ударов. Контратаковал редко, но метко. Молниеносный натиск – и его рапира находила цель. Удар у него был сильным. Даже издали заметно было, как содрогается от боли тело соперника...

– У вашего сына крепкая рука, быстрая реакция...

Иван Петрович Лагунин испытывал гордость, выслушивая после соревнований тренера, который занимался с Женей.

– ...И мощный удар у него. Он далеко пойдет... Только жесткости в нем много, это меня беспокоит.

Неужели на это можно жаловаться?.. Иван Петрович с изумлением посмотрел на худощавого, жилистого мужичка с умными глазами.

– Это спортивная злость, – заступился он за сына.

– Спортивная злость – это хорошо. Но у Жени нечто другое... Впрочем, делу это не мешает. Напротив, он делает успехи. Буду готовить его на юношескую спартакиаду Союза...

Иван Петрович не мог скрыть своей радости – его широкоскулое простецкое лицо расплылось в довольной улыбке. Как будто это его похвалили.

Двадцать лет он работал водителем. С тех самых пор, как из армии вернулся. Однажды его командировали в деревеньку со смешным названием Федунки. Там он и познакомился с местной красавицей Антониной. Ну и как водится, танцы под гармонь, бутылка портвешка и два яблока под кустом, податливое тело Тоньки... Понравилось ему с ней, каждый день ее иметь захотелось. Ну и за свадьбу... А через год Женя родился. К этому времени они уже в город, в общежитие перебрались.

Антонина в шесть лет сына в музыкальную школу отдала. Иван Петрович не возражал. И сам к воспитанию Жени руку приложил. В десять лет в секцию фехтования отдал. Пусть спортсменом мальчик растет. Сила и ловкость для мужика в жизни гораздо важнее, чем музыка. А может, еще чемпионом большим когда станет. По заграницам разным ездить будет...

* * *

Антонина Егоровна не считала себя обделенной судьбой. Муж добрый, заботливый, в меру пьющий, по хозяйству помогает... Хотя какое там хозяйство? Комната три на четыре в общежитии. Но она была рада и этому. Из сил выбивалась, чтобы у них было все как у людей. Сама о своем деревенском прошлом старалась забыть и сына хотела высококультурным человеком воспитать. Даже стол по всем правилам сервировала.

– Почему отбивную без ножа ешь? – строго спросила она Женю.

Она сидела за столом в нарядном ситцевом платье, на голове высокая прическа – только из парикмахерской, духами «Красная Москва» благоухает, вилку и нож тремя пальчиками держит, два оттопыривает. Ну чем не светская дама?

– А ты не положила, – ровным, лишенным всяких эмоций голосом ответил Женя.

Ей нравилось, что у ее сына железная выдержка. Хоть что делай, ничем его не смутить. Только вот что-то беспокоило ее в нем... Равнодушие. Он был равнодушен ко всему. И к музыке, и к учебе, и к спорту. Хотя ведь во всем делал успехи...

– Неправда, – загадочно улыбнулся отец. – Ты его, сынок, в карман себе положил.

– Нет у меня ножа, – невозмутимо посмотрел на него Женя.

Он вообще, казалось, не умеет удивляться.

– А это что? – Иван Петрович поднес свою руку к его рубашке, запустил пальцы в нагрудный карман и извлек из него столовый нож.

И, быстро перебирая пальцами, прокрутил его несколько раз.

Странно, карман маленький, а нож большой...

– Не может быть! – оживился Женя.

На его лице появилось подобие улыбки.

– А папа у нас фокусник, – тоже улыбнулась Антонина Егоровна.

Почему-то вспомнилась их первая с Иваном ночь. И опомниться она не успела тогда, в кустах, как оказалась под ним с раздвинутыми ногами. Точно, фокусник...

– Был у нас в армии один паренек. Цирковое училище закончил. На фокусника учился. И меня кое-чему научил...

– А меня научишь? – Никогда еще не смотрел Женя на отца с таким уважением, как сейчас.

Как будто от того, научит он его фокусу с ножом или нет, зависит его жизнь.

– Научу... Ты же у нас фехтовальщик...

* * *

Женя стоял перед родителями, низко опустив голову.

– Почему ты не явился на субботник? – осуждающим тоном допытывался отец. – И это не первый раз... До каких пор нас будут вызывать в школу?

– Не знаю...

Раскаяния во взгляде мальчика не ощущалось.

– Успокойся, Иван, не рычи на ребенка, – урезонивала мать. – Женя у нас мальчик хороший – грех его ругать. И отличник, и музыкант, и спортсмен. А то, что на субботники не ходит и практика летом ему плохо дается, – это можно пережить. Не всем же грубым физическим трудом заниматься. У него будет другая судьба. Судьба человека высокоинтеллектуального...

– Ну и слов же ты, мать, нахваталась. Высокоинтеллектуального... А мы с тобой, стало быть, понизу ходим. Мы, значит, быдло...

– Ну что ты, Иван, разве так можно? – возмутилась Антонина.

– А-а, ну вас... – тяжело вздохнул отец и вышел из комнаты.

Женя с тихим торжеством посмотрел ему вслед.

Ну не любит он ковыряться в земле. Что он, нанялся убирать за кем-то всякий там вонючий мусор? Не будет он убирать, хоть убей, не будет...

В комсомол Женя заявление подал в конце восьмого класса. Уже почти все его одноклассники обзавелись красной книжцей. Из кожи вон лезли, чтобы стать комсомольцами. Как же, молодые строители коммунизма... А вот Женя строить ничего не собирался. Ему было наплевать на какой-то там коммунизм. Все это фигня, считал он. И комсомол тоже фигня. Но классная уже достала. Не отставай от других, не будь хуже других. Вот и пришлось подать заявление, чтобы отвязалась.

– Евгений Лагунин недостоин быть комсомольцем!

Женя с еле заметной усмешкой смотрел на комсорга класса. Ну и рожу соорил. Как будто на дзот немецкий грудью своей бросаться надумал... Да только этот до такого бы не додумался. Яшка Молокин не из той породы. Ему бы только языком почесать да в грудь себя кулаком постучать. А на серьезное дело он не способен, кишка тонка.

– Почему? – спросил кто-то из комитета комсомола.

– Он не любит физический труд. На практике работает хуже всех, субботники пропускает...

– А учится как?

– Круглый отличник... Но этого мало! Он не поддается трудовому воспитанию. Это бесспорный факт! Отсюда и делайте выводы...

– Ну тогда ладно. Недостоин так недостоин...

Жене отказали в рекомендации. В ответ на это он только пожал плечами.

– Даем вам полгода испытательного срока. Покажите себя на субботниках – примем в комсомол без всякого...

Но ни через полгода, ни через год, и вообще никогда не станет он в этих делах передовиком. Пусть в чужом дерьме другие ковыряются. А он не будет.

Женя еще раз пожал плечами и вышел за дверь.

Да пошли они все!

* * *

Обычно, с началом занятий в школе, в сентябре месяце все старшеклассники отправлялись в колхозы на помощь героическому трудовому крестьянству. Но в десятом классе сия злая

доля миновала Женю. В сентябре 1973 года вместе с родителями он переезжал в другой город. Полгода назад ему исполнилось шестнадцать.

Ни у отца, ни у матери, кроме восьмилетки, никакого другого образования не было. Поэтому служебный рост им не светил. Да они как-то и не стремились к карьере. И никогда бы не променяли свой завод на другой, если бы не квартира.

А в Тригорске, крупном промышленном центре на Среднем Урале, им вдруг помаячила возможность получить свое жилье. И они сорвались с места не задумываясь.

В мыслях им представлялся высотный крупнопанельный дом, квартира улучшенной планировки, раздельный санузел. Но реальность способна испохабить любую мечту. Вместо благоустроенного жилья их ждала комната в коммунальной квартире на окраине города.

Самые настоящие трущобы, которые не увидишь ни в одном пропагандистском фильме, воспевающем преимущества социализма перед капитализмом. Десятка два трехэтажных домов сталинской постройки. Обвалившаяся штукатурка, закопченные стены, растрескавшийся асфальт, вонь помоев, выплескиваемых прямо на улицу. Тесные захламленные дворики... А чего следить за чистотой, если рядом нещадно дымит химический завод?

Коммуналка, в которой им теперь предстояло жить, удручала своим видом не меньше. Мрачный, давно не мытый коридор, запах кислой капусты и чья-то ругань из кухни, затхлый воздух. Хорошо, комната просторная, двадцать два квадрата.

– Обои, смотрю, поотклеились, – засуетилась мама, осматривая свое новое жилье. – Но ничего, новыми заменим. Окна покрасим, потолок побелим...

Родителей своих Женя уважал. Только считал их неудачниками. Шестнадцать лет прожили они в общежитии. Как проклятые горбатились на производстве, здоровье губили. А квартиру так и не получили. Очередь, мол, не подошла. У других подходит, а у них – нет... И вот наконец знаменательное событие в их жизни. Они получают отдельное жилье... в коммунальной квартире. Сменили, что называется, шило на мыло.

Ну да ладно, пусть живут как знают. Не его дело родителей судить. И вообще ему все равно. Они сами по себе, он сам по себе. Он их уважает, возможно, даже любит. Но их советы и наставления, как правильно жить, ему не указ. Он не хочет ни от кого зависеть и со своей жизнью разберется как-нибудь сам...

Оставив родителей рассматривать комнату, Женя вышел в коридор. И тут же столкнулся нос к носу с девушкой в коротком платье. От нее пахло свежестью и дорогими духами. Вьющиеся локоны светлых волос, лукавая улыбка на веселом лице, груди так заманчиво под платьем бугрятся, ноги длинные, стройные. Даже в полутьме он сумел рассмотреть, какая она красивая.

Женя невольно напрягся. Его трудно было чем-нибудь смутить, он редко когда удивлялся. Железную выдержку ему даровала природа. И характер у него твердый. Ничем его не согнешь. Это он на вид только пай-мальчик с ангельским лицом. Внешность бывает обманчивой... Но девушка его смутила. Была в красивых женщинах некая сила, перед которой он терялся. А перед этой он и вообще почувствовал себя беспомощным.

Девушка была примерно одного с ним роста, на самую малость пониже его. Но это мешало ей смотреть на него сверху вниз. На вид ей было лет восемнадцать – для нее он был неопытным юнцом, не более того.

– О, какой мальчик! – проворковала она, открывая дверь в свою комнату.

И развязно ему улыбнулась. Женя почувствовал едва уловимый запах коньяка.

– Какой есть, – с вызовом ответил он ей.

Он знал, что девчонки считают его красивым. Худощавый, среднего роста, – в общем ничего вроде бы в нем особенного. Но лицо у него было выразительное. А еще глаза: широко распахнутые, горящие синим магическим огнем. Стоило только заглянуть в них – и многие девчонки начинали из кожи вон лезть, чтобы заслужить его внимание...

– Гуд бай, мой бэби... – она игриво помахала ему ручкой и скрылась за дверью.

Но для этой красотишки он, видимо, слишком мал, чтобы она воспринимала его всерьез. Хотя он чувствовал, что произвел на нее впечатление. По крайней мере, ему хотелось на это надеяться.

...Вечером того же дня, когда машина с мебелью была разгружена, Женя вышел во двор. Терпеть он не мог сидеть дома, даже если там и для него дело есть.

Вокруг стола, за которым обычно старики гоняют в домино, шумела толпа пацанов. Он подошел ближе.

Двое за столом, сцепившись руками, пытались свою силу. Каждый стремился сломить противника, положить его руку на столешницу.

Высокий, крепкого телосложения пацан ломал одного соперника за другим. Он был сильнее всех.

– Ну, кто еще? – обвел он взглядом толпу, когда бороться было уже не с кем.

Ну и рожа у него. Лоб покатый, как у неандертальца, глаза маленькие, злые, нос свернут набок, нижняя челюсть выдается вперед. И кривая презрительная усмешка.

– Эй, пацан, может, ты хочешь? – спросил кто-то из толпы, обращаясь к нему.

– Эге, да ты что? – засмеялся кто-то другой. – Ты только посмотри, это же маменькин сыночек.

На фоне этих пацанов, одетых во всякое старье, Женя смотрелся как принц среди нищих. Черные выглаженные брюки, пиджак, белая накрахмаленная рубашка, напояженные волосы. И лицо как у ангелочка.

Женя нахмурился. Его взгляд зачерствел, налился свинцовой тяжестью. Не мог он терпеть, когда его оскорбляют.

Он подошел к столу, молча занял свободное место, спокойно закатал рукав и выставил руку.

– Начнем? – сухо спросил он.

– Да ты что, пацан? Я же тебя как муху...

Всем видом здоровяк выказывал ему свое презрение.

– Попробуй, – голос Жени даже не дрогнул.

Его маленькая ладошка утонула в лапище незнакомца.

– Не рука, а ручонка, – усмехнулся кто-то.

Послышался дружный смех. Но он тут же стих.

Презрение на лице здоровяка сменилось вдруг удивлением. Как ни старался, он не мог сдвинуть руку соперника хотя бы на один градус. Как будто глубоко загнанный в землю железный столб пытался согнуть. Лицо его исказилось от натуги.

Зато Женя оставался совершенно спокоен. Ни одна черточка не напряглась на его лице. Как будто в шахматы он играл.

– Никогда не говори «гоп»... – сухо изрек он и резким движением опрокинул руку соперника.

Толпа вокруг зашумела. Шутка ли, какой-то задохлик завалил такого лося. Невиданное дело... Со всех сторон послышалось:

– Ну, Колода, писец тебе!..

– Все, Колода, приехали...

– Что, Колода, сдох?..

Здоровяк с перекошенным уже от ярости лицом соскочил со своего места, перегнувшись через стол и схватил Женю за грудки.

– Да я тебя, сопляк, по стене размажу!

– Оставь его, Колода! – раздался вдруг чей-то тихий властный голос.

Колода обмяк и разжал руки.

Женя равнодушно посмотрел на своего неведомого заступника.

Парень лет шестнадцати, его ровесник, стоял, широко расставив ноги, руки в карманах, в углу рта сигаретка дымится. Серые помятые брюки, потертая вельветовая куртка на «молнии», кепка. Высокий, крепко сложенный, и на внешность вроде бы ничего. В глазах насмешка.

– Ты чего это, Колода, бесишься? Проиграл, отвали в сторону. Таков закон... А ты в драку бросаешься!

– Да ладно тебе, Никита, чего уж там, – виновато буркнул тот и вышел из-за стола.

– Слушай, тебя случайно не Гераклом кличут? – с интересом посмотрел на Женю пацан, которого назвали Никитой.

– Нет, – коротко ответил он. – Я – Женя...

– Жека, значит. Может, ты со мной поборешься?

Никита смотрел на него как на серьезного соперника.

– Как хочешь... Только сначала я с этим разберусь, – кивнул Женя на Колоду. – Никто не может оскорблять меня безнаказанно...

– Вот, значит, как?

В голосе Никиты звучало уважение.

– Да я тебя, придурок, прибью сейчас! – зачехлялся Колода и надвинулся на Женю.

– Не здесь! – осадил его Никита. – В сквере...

Через квартал от их дома находился небольшой захламленный сквер. В центре потрескавшаяся бетонная площадка. Идеальное место для уличных разборок.

– Ну чо, мурло, ты хотел со мной разобраться? – работая на публику, прогрохотал Колода и без предупреждения ударил Женю.

Но распах он его не застал. Женя подался назад, и кулак прошел мимо его носа. И тут же ударил сам. Кулаком снизу вверх в подбородок. Колода клацнул зубами. И тут же получил правым боковым в челюсть.

У Жени был на редкость сильный удар. Последние два года наряду с фехтованием он занимался боксом. Тренер прочил ему большое будущее и на этом поприще.

Колода покачнулся, глаза его безжизненно закатились. Он грохнулся на землю как мешок с дерьмом.

– Во дает! – послышался чей-то восхищенный голос. – Колоду завалил...

А ведь поверженный противник был чуть ли не на голову выше Жени. И килограммов на двадцать потяжелей.

Женя бросил ленивый взгляд на лежащего Колоду. Усмехнулся глазами и спокойно, словно был здесь один, направился к выходу из сквера. Толпа повалила за ним.

– А ты наш пацан, – дружески хлопнул его по плечу Никита, когда он переборол на руках и его. – Маленький сынок на вид, а на поверку кремень... Ты бы костюмчик сменил. Не в консерватории...

– Нет, – покачал головой Женя. – Я привык носить только строгое и чистое...

– Да, ну смотри, тебе видней... А на пустырь с нами пойдешь?

– Зачем?

– Стенка на стенку биться. Бурьяновские пацаны возникают. Наказать их надо...

– Надо так надо, – пожал плечами Женя.

* * *

На следующий день, в воскресенье, он, Никита и Колода сидели во дворе. Последний уже забыл обиду. Мало того, он уже лебезил перед Женей. Боялся его, уважал.

Из его подъезда, плавно покачивая бедрами, вышла красавица девчонка, жившая с ним по соседству.

– Ленка! – заворуженно глядя ей вслед, пробормотал Колода. – Я с нее тащусь...

– Смотри слюной не захлебнись, – подковырнул его Никита. – Не для таких, как ты, она...

– Знаю, с блатными она повязана, – грустно вздохнул Колода. – С самим Лохматым водится. А он крутой...

– Все они крутые, пока в ментовку не попадают. Там их быстро обламывают... – презрительно скривился Никита. – Блатные, блатные... Срать я на них хотел!

Женя молчал, но слушал. Он знал, кто такие блатные. Это воры, грабители, мошенники. У них своя особая жизнь, свои законы. От них за версту отдавало опасностью. А Никита о них так презрительно. Не боится...

Да он, похоже, ничего на свете не боится. Отчаянный до безобразия: хлебом не корми, дай только с кем-нибудь в драке схлестнуться. Но справедливый. Зря никого не обидит.

– А они хотели срать на тебя, – усмехнулся Колода. – И на нас всех... Какую телку увели...

И раньше воровской мир был интересен для Жени. Вольная жизнь, деньги, рестораны, тачки, телки. И главное, нет нужды где-то работать, прозябать в серости скучных трудовых коллективов. А сейчас для него этот мир становился особенно притягательным. Ведь в нем вращалась Лена, его соседка, эта белокурая бестия с длинными ногами. Сегодня ночью у него была поллюция: она, красавица, приснилась, голая, податливая...

– Жека, ты в нашей школе будешь? – сменил тему Никита.

– А больше некуда...

– В наш бы ты класс попал...

– Как получится...

* * *

Получилось не так, как хотел этого Никита. Женя попал в параллельный класс.

– Прошу любить и жаловать, Евгений Лагунин, – с дежурной улыбкой представила его классу учительница. – Может, Женя, ты расскажешь что-нибудь о себе?

Женя промолчал. Они не в цирке, а он не клоун. Со скучающим видом он смотрел на своих новых одноклассников. Обыкновенная серая масса, ничего особенного. Вот если бы хоть одна девчонка красивая была, тогда бы он, возможно, изменил свое суждение. Но не было даже просто симпатичных. Какие-то Машки-трактористки...

Смотрели и на него. Кто с интересом, кто с осуждением, а кто равнодушно.

– Лагунин, садись за первую парту, – учительница взяла его за локоть и подвела к свободному месту.

Это он всегда пожалуйста. Он с первого класса сидел за первыми партами. Так лучше все видно и слышно. А учиться он любил. Это только полные кретины воротят нос от знаний. В жизни пригодится все...

* * *

...Валя Спицына росла болезненной девочкой. То ангина, то скарлатина. И с желудком проблемы, и с почками. Но она не выставляла свои болезни напоказ. Стеснялась их. В свои шестнадцать лет она выглядела как тринадцатилетняя. Худое угловатое тело, груди едва только обозначены. Лицо маленькое, по-детски нежное. Красивой ее никто не называл. И только глаза, большие, светло-серые, делали ее привлекательной. Но, увы, глаза ее почему-то никто не хотел замечать. И саму ее как-то не очень замечали. Маленькая серая мышка, каких много. Только двоечники жаловали ее своим вниманием. Домашнюю работу «перекатать», контрольную содрать... Училась она на «отлично».

Мальчишки ею не увлекались. Но это нисколько не удручало ее. Ведь и она сама никем не прельщалась. Любовь существовала для нее только в книгах, которые она читала запоем. Благородные рыцари, красивые принцы, отважные воины – вот они-то и были ее идеалом.

Но очарование книжного мира утратило вдруг свою силу, когда она увидела новенького, прибывшего в их класс.

Среднего роста, худощавый мальчик, красивый, как картинка, ум в глазах светится, в каждом его движении чувствуются манеры высокоинтеллектуальной личности. И тихий, спокойный, вежливый. Его посадили за одну с ней парту. В тот день она получила первую в своей жизни тройку. Так переволновалась, что чуть было совсем не забыла выученный урок.

Учился Женя хорошо. Учителя в него прямо-таки влюбились. На все и вся у него имелся ответ, и не бездумно взятый из книги. У него было свое суждение. А это особенно ценно.

К Вале Женя особых чувств не питал. Но симпатией к ней проникся. Разговаривал с ней вежливо, иногда даже улыбался. Из класса в класс при смене уроков они переходили вместе. Это у них перешло в привычку. Они подружились. Но она хотела большего.

Она безумно влюбилась в него. Он ей снился по ночам. Она носила его имя в своем сердце. И никакими клещами его оттуда не вырвать...

Женя не дружил в классе ни с кем. Он и не стремился к дружбе с мальчишками. Ему хватало ее общества. И Валя задыхалась от любви к нему, думая об этом.

Однажды, когда закончился первый урок и они собрались переходить в другой кабинет, к Жене подошел Пашка Великанов. Парень он довольно высокий. И в плечах гораздо крепче Жени. Но он подлый. По-другому о нем не скажешь. Он постоянно издевался над Валею. Проходу ей не давал своими насмешками. Теперь вот за Женю взялся. Сволочь он самая настоящая.

– Терпеть не могу отличников! – с вызовом бросил он в лицо Жене.

– Ну и что? – спокойно, как ни в чем не бывало ответил тот.

Женя даже не посмотрел на него, складывая тетрадку и учебник в портфель.

– Как это ну и что? – опешил Пашка. – Ты же отличник. И она отличница!.. На одном месте я вас обоих видел!

Валя знала, что Пашка самый настоящий хам и грубиян. Но таким она его впервые видела. Чем же он так взбешен? Завидует Жене? Как бы в драку не бросился. Нравится ему обижать слабых... Надо уводить Женю.

– Пойдем отсюда, – она взяла его под руку, чтобы вместе с ним пойти к выходу из класса. Но Женя не послушался ее.

– Ты должен извиниться перед ней, – спокойно, без напряжения в голосе потребовал он у Пашки.

– Он не извинится, – тихо сказала Валя.

– Верно, я ни перед кем не извиняюсь, – глумливо рассмеялся нахал.

Несколько мальчиков, стоявших за ним, гнусно заулыбались.

– А почему извиняться только перед ней? – продолжал насмехаться он. – Почему не перед тобой?

– Потому что я никого так просто не прощаю, – не повышая голоса, ответил Женя.

– Козел твоя фамилия!

Пашка расхохотался. Неожиданно и резко, без замаха, Женя ударил его кулаком в грудь. Никогда не думала Валя, что удар может быть таким сильным. Пашка захлебнулся собственным смехом, отлетел к стене и, закрыв глаза, начал оседать на пол.

– Валя, пошли, – как ни в чем не бывало сказал ей Женя и взял за руку. – Тебя больше никто здесь не обидит.

Она послушно пошла за ним. Проходя мимо Пашки, она глянула на него. Похоже, он уже начал приходить в себя. А то она уже начала думать, что Женя убил его.

И еще она обернулась за спину. Мальчишки глядели им вслед с раскрытыми от изумления ртами. Ну никак не ожидали они, что в хлипком на вид отличнике таится такая сила. Женя, ее защитник... На душе у Вали стало жарко от всколыхнувшихся чувств к нему.

Она гордилась Женей, как будто он ее жених. И переживала за него. Ведь она знала, что Пашка Великанов не из тех, кто сдастся без боя. Наверняка захочет взять реванш. Подкараулит Женю с мальчишками где-нибудь за школой и побьет его. Семеро на одного – таких героев много.

Они шли по коридору. И вдруг она увидела Никиту Горбунова и Генку Колодина. В школе их боялись все. Даже Пашка.

Никита и Генка подошли к ним. Женя остановился. Остановилась и Валя. Ей стало не по себе.

Ну, все, началось. И когда же это Пашка успел их натравить на Женю?

– Здоров, Жека! – Хмурое лицо Генки растянулось в улыбку.

В его глазах Валя увидела нечто вроде заискивания.

Генка заискивает перед Женей?.. Тут что-то не то...

– Привет, Колода, – в голосе Жени не было радости.

Впрочем, это ни о чем еще не говорило. Валя успела уже заметить, что он всегда, и умело, скрывал свои чувства.

– Сегодня махалово на пустыре, – не обращая внимания на Валу, сказал Никита. – Ждем тебя.

Женя в ответ молча кивнул.

Как, он в одной команде с этими хулиганами? Невероятно!.. И все же, как идеал мужчины, Женя нисколько не померк от этого в ее глазах. Напротив, его блеск только усилился. Он представлялся ей тем самым благородным рыцарем, который и в светском обществе умеет держать себя в строгих рамках приличия, и в бою с сильным противником не дрогнет.

После случая с Пашкой в классе Женю все зауважали. Мальчишки все норовили подружиться с ним. А девчонки без устали сочиняли и пересылали ему любовные записки. Только никого к себе он не подпускал. Ему хватало дружбы с ней, с Валей.

Она гордилась этой дружбой. Душа ее пела от счастья, когда они вместе шли по школьному коридору. Она-то хотела видаться с ним не только в школе. Она хотела встречаться с ним вечером, ходить с ним в кино или даже на дискотеку. И не раз тонко намекала ему на это. Но он делал вид, что не понимает.

Шло время, а их отношения оставались прежними. Они так и оставались просто друзьями. Он был всегда вежлив, продолжал заботиться о ней. Но только в пределах школы.

– Женя, а почему бы нам не сходить сегодня в кино? «Фантомас» сейчас идет. Все этот фильм хвалят...

Шесть месяцев прошло. Весна уже наступила. Уже давно пора было самой пойти ему навстречу, назначить свидание. Но она решила только сейчас.

– Извини, я сегодня не могу, – вежливо отказался он.

– А завтра? – настаивала она.

– И завтра... У меня тренировки. Или ты не знала?

Она вообще ничего о нем не знала. Он никогда и ничего о себе не рассказывал.

– А чем ты занимаешься?

– Фехтование. Бокс. А в прошлом году еще и в музыкальную школу ходил. На скрипке играл. Только надоело...

– Ты на шпагах сражаешься? – мечтательно вознесла она кверху глаза. – Романтика!

– О чем ты?

– Благородные мушкетеры, они ведь дрались на шпагах...

– Да, это так, – взгляд его вдруг стал до странности серьезным. – Скажи, а быть вором – это благородно?

– Ну какое же это благородство? Они ведь убивают...

– А мушкетеры разве никого не убивали?.. Убивали и даже гордились этим... Валя хотела что-то сказать в ответ. Но Женя уже потерял к разговору всякий интерес. А она не умела быть назойливой.

В апреле Женя уехал на соревнования в Москву. Через две недели вернулся. И не просто вернулся, а с победой. Он завоевал звание чемпиона Советского Союза среди юношей по фехтованию... Такого в их школе еще не было.

Комитет ВЛКСМ вдруг засуетился, начал наводить справки о Жене, даже выпустили специальный выпуск стенгазеты. И вдруг выяснилось, что он даже не комсомолец. Тут же было принято решение рекомендовать его в райком. Но Женя отказался.

– Не нужен мне ваш комсомол, – сказал он. – Обходился без него раньше, обойдусь и сейчас.

Чтобы добровольно отказаться от вступления в ряды комсомола – такого их школа тоже еще не знала. Вслед за хвалебным номером стенгазеты вышел «Кактус», сатирический листок.

Но Женя несколько не переживал. Он вообще не умел переживать. Вместо нервов, казалось, в нем стальные струны, а вместо сердца холодный камень.

* * *

Валя не нравилась Жене. Некрасивая, костлявая, только одни глаза на лице и светятся. Ущербная она. Но это вовсе не повод, чтобы над ней издеваться. А в их классе были такие, кто не считал это зазорным.

Жене неведомо было чувство жалости. И он, наверное, никогда бы не узнал об этом чувстве, если бы не Валя. Глядя на нее, ему почему-то хотелось заботиться о ней. И ему не нравилось, когда Пашка Великанов бросал в ее адрес обидные реплики. И к нему, гад, подобрался. Не любит он, видишь ли, отличников. Дебил, потому и не любит. Разговор с ним был короткий. Мощный удар в область сердца поставил в нем точку.

Для Вали он был кумиром – она боготворила его. Она вся таяла, когда он смотрел на нее. Отличница, недотрога, она бы наверняка раздвинула перед ним ноги при первом же удобном случае. Она просто не смогла бы перед ним устоять. Только он совсем не хотел доводить их отношения до постели. Постель с ней – это как-то его не прельщало.

Другое дело Лена. Вот ради кого стоило жить. Жить и многое отдать ради того, чтобы хотя бы один раз познать вкус ее обнаженного тела. Чуть ли не каждую ночь она отдавалась ему во сне. Но сон – это сон, а явь – это явь. Наяву она оставалась недоступной.

Было время, когда он думал, что она легко достанется ему. Уж он-то знал цену своему мужскому обаянию. Он хоть и мальчик с виду, но уже давно мужчина. Только, увы, Лена не хотела этого признавать.

Иногда она приходила домой выпившей. И тогда он получал в подарок от нее соблазнительную улыбку. Но не больше. Когда она была трезвой, он не получал вообще ничего. Просто-напросто она не замечала его. А он бы, наверное, из кожи вон лез, чтобы заслужить ее внимание. Но он не умел ни перед кем выделяться. Такой уж он человек.

Лена водилась с блатными. Он это знал. Все чаще он ловил себя на желании примкнуть к их миру, стать своим среди них. Его манила к себе их вольная жизнь. И Лена манила...

В первый раз она обратила на него внимание сегодня. В этот день отец решил обмыть его успех. Как-никак он стал чемпионом Союза. И пригласил на семейное торжество родителей Лены. А те выпить любили, только повод дай. Пришли сами и, о чудо, Лену с собой привели.

– Какие люди живут рядом, а мы и не знаем! – Она не вошла – она вплыла в их комнату.

Короткое из черного бархата платье, золотая цепочка с кулоном, роскошные волосы, не испорченные никакими прическами, легко ниспадают на обнаженные плечи. Сказать, что она красивая, – значит не сказать ничего. На ее очаровательном лице сияла не менее очаровательная улыбка. Глаза так волнующе смотрели на Женю. В них он видел к себе интерес.

Лена села за стол рядом с ним. Он почувствовал аромат и жар ее тела, и так хотелось обнять ее...

Она выпила за успех Жени, поклевала немного салату и собралась уходить.

– Извините, но мне некогда...

– Ленусь, осталась бы, – попросил отец.

– Ну чего ты, дочь? Ты уж уважь компанию, – подала голос мать.

– Да не могу я...

Женя поймал себя на желании ухватиться за нее руками и водворить на место.

– Может, вы хоть в кино сходите? – сдался отец.

– Кто это?

– Ты и Женя...

– В кино?.. В кино можно...

И она посмотрела на Женю как на маленького мальчика, которому нужна красивая игрушка.

Ему стало обидно. Он даже хотел отказаться от ее снисхождения к себе. Но не мог. Слишком уж сильно она его притягивала.

Уже наступил май месяц. После долгой зимы в город наконец пришла долгожданная весна. Но было еще достаточно прохладно для того, чтобы ходить в одном костюме. Поэтому поверх пиджака пришлось накинуть болоньевую куртку.

Лена одевалась хорошо, модно. Не зря она крутила любовь с самим Лохматым, местной криминальной легендой. Жене всегда становилось не по себе, когда он думал, что Лена принадлежит другому, не ему.

В кинотеатре они устроились в заднем ряду. Женя сидел рядом с ней как неживой. Даже пошевелиться боялся. Странно, а ведь он не боялся никогда и ничего... Да, действительно, Лена обладала особой над ним властью.

Где-то в глубине души он надеялся, что она сама пойдет навстречу его желаниям. Сама прильнет к нему, положит его руку себе на грудь... Но этого, конечно же, не случилось. Для него она оставалась недотрогой.

А как же с другими?..

– Ты домой? – робко спросил Женя, когда они вышли из кинотеатра.

На город уже опускались вечерние сумерки.

– Да нет, к подруге надо заглянуть, – не глядя на него, ответила она.

– Можно я тебя провожу?

– Да в общем-то необязательно... Но если хочешь...

К ее подруге они шли почему-то через городской парк. На одной из лавочек парковой аллеи сидели несколько парней. Они нещадно дымили папиросами и резались в карты.

Один из толпы увидел Лену. Встал и качающейся походкой подошел к ним.

Парень лет двадцати. Огрубевшая кожа лица, мутный взгляд, хищный оскал, золотая фикса во рту. На пальце вытатуированный перстень. Всем своим видом этот тип показывал на свою принадлежность к уголовному миру.

– Ленок, тебя Лохматый искал, – важно сообщил он.

И, небрежно глянув на Женю, спросил:

– А это что за черт?

– Да так, сосед...

– Он здесь не нужен...

– Само собой... Ступай домой, Женя...

Она посмотрела на него как на ненужную вещь.

Женя кольнул ее взглядом, сунул руки в карманы, неторопливо повернулся к ней спиной и пошел прочь демонстративно неспешной походкой. Но никто ему вслед даже не посмотрел.

Из обычного мира красавица Лена снова впорхнула в мир воровской. В этом мире Жене не было места...

* * *

Он ехал в троллейбусе на тренировку. Вокруг теснился народ. Был час пик – люди возвращались домой с работы. И вдруг его взгляд упал на солидного мужчину лет сорока в сером плаще. Из его кармана торчал бумажник. Только протяни руку, и он твой.

Рука Жени сама потянулась к нему. Но он вовремя остановил себя. Прежде чем что-то сделать, нужно хорошо подумать.

Вот вытащит он сейчас бумажник из кармана. А его вдруг и возьмут с поличным. Тогда быть беде. Упрячут за решетку. И все, прощай, свобода и молодость!.. А если не поймают? Тогда он станет обладателем далеко не тощего бумажника. А в нем хрустящие купюры. Может, целая тысяча. И зачем тогда работать? Знай себе время от времени прохаживайся по чужим карманам... Заманчивая перспектива!

А с деньгами в кармане он уже не будет зависеть от родителей. Захочет Лену на машине прокатить, пожалуйста – лови такси. Захочет с ней в ресторане гульнуть – тоже никаких проблем. И шубку он может ей дорогую подарить, и кольцо бриллиантовое. А потом они будут заниматься любовью. Заниматься долго, до полного опустошения сил...

В мечтах своих он вознесся высоко и далеко. Еще немного, и мужчина в плаще вышел бы на своей остановке вместе с бумажником.

Игра на скрипке требует особенной чувствительности пальцев, пластики их движений. А еще отец когда-то показал ему несколько фокусов. Нож, шарик, даже целое яблоко могли появиться в его руках как бы из ничего. Он регулярно оттачивал свое мастерство. У него был талант фокусника. И сейчас все это ему пригодились. Его рука незаметно скользнула к карману и легко вытащила бумажник. Он тут же исчез в его кармане. Мужчина ничего не почувствовал.

В бумажнике оказалось сто семьдесят рублей. Пусть и не тысяча, но все равно для него это целое состояние.

Украл один раз, на этом и остановись, внушал ему рассудок. Повезло в первый раз, повезет и в сотый, спорила с ним алчность, которую рождала не жадность, а азарт охотника. Риск – это всплеск эмоций, острота ощущений. А еще восторг удачи... Только воруя, он мог в полной мере ощутить всю прелесть этих малознакомых ему чувств. А ему хотелось ее ощущать...

* * *

Настала пора выпускных школьных экзаменов. Готовился к ним Женя как все, с учебником в руках. А отмечал их сдачу по-своему.

В честь отличной оценки по математике он вытащил на базаре кошелек у толстой женщины с золотыми сережками в ушах. На экзамене по литературе ему попался роман Достоевского «Преступление и наказание». Раскрывая перед комиссией образ Родиона Раскольникова, он заслужил высшей похвалы. И в тот же день убил старуху. Нет, не физически, а морально. Вытащил у нее в троллейбусе кошелек. И, судя по деньгам, которые он в нем обнаружил, старуха эта была не беднее той, что у Достоевского. Пятерку по сочинению он не отметил ничем. Как-то не сложилось. Не улыбнулась ему фортуна и после экзамена по химии.

Но все равно в кармане у него было далеко не пусто. За триста рублей перевалил его капитал к середине июня. Но деньги тратить Женя не торопился. Их он берег для Лены, хотел прокутить их вместе с ней. Они будут гулять в ресторане, он не ударит лицом в грязь перед ней.

Но, увы, Лены не было. Вместе со своим любовником она укатила куда-то на юга. Или на отдых, или на блатные гастролы. Но когда-нибудь она должна была возвратиться.

После последнего экзамена Женя снова вышел на охоту. Заскочил на рынок, высмотрел какого-то толстяка в холщовой рубаше. В боковом кармане его покоился приличных размеров бумажник. Карман застегивался. Но «молнию» расстегнуть было нетрудно.

Жене казалось, что он может вытащить бумажник из любого положения. Только из нагрудного кармана достать его, пожалуй, трудновато. Из таких положений его могли извлечь только сверхпрофессиональные карманники. К их числу он пока себя не причислял.

Легкость, с какой он вынимал свою добычу из сумок и карманов, окрыляла. Заставляла поверить в свою неуязвимость. Толстяк сделал покупки и, теряя бдительность, направился к выходу с рынка, дошел до остановки. Дождался своего трамвая и зашел в него. Женя впрыгнул туда вслед за ним. Народу в салоне – не протолкнуться. Это хорошо. В толкучке можно прижаться к клиенту без боязни нарваться на грубость. И карман его тогда опустеет в два счета...

Он бочком пристроился к своей жертве, состроил страдальческую гримасу. Ну точно маменькин сынок, готовый захныкать при первом же жизненном неудобстве. Но его оттеснил какой-то сухопарый мужчина. Тогда он подался назад и зашел к сухопарому сзади. Но было уже поздно. Рука мужчины соскользнула вдруг в карман толстяка и с необычной легкостью извлекла из него добычу.

Удивиться наглости конкурента Женя не успел. Вдруг откуда-то из толпы к нему вынырнули два крепыша в черных пиджаках. Один из них сжал руку с бумажником, не давая ему выпасть.

– Вы задержаны, гражданин Оверцев! – официально объявил второй, махнув перед его носом красными корочками.

– Граждане, расступитесь. Дайте пройти понятым...

Появились еще два гражданина.

Вот, значит, как бывает. Переодетые менты следили за неким гражданином Оверцевым, который по их картотеке, видимо, проходил как профессиональный карманник. И сцапали его с поличным. Даже понятых не забыли с собой прихватить. Грамотно сработано. Ничего не скажешь.

А ведь и его, Женю, когда-нибудь могут арестовать. Выследят и возьмут с поличным. Очень даже может быть.

Но Женя не испугался. Мозг работал спокойно и сосредоточенно.

Краем глаза он заметил, как переодетый мент сунул изъятый бумажник к себе в карман. И тут же забыл о нем. Все его внимание поглощено было арестованным. Его еще нужно было вывести из трамвая и доставить в отделение.

Шутить с судьбой всегда опасно. Но Женя рискнул. Он прошел мимо мента и быстро запустил в широкий его карман свои пальцы. Бумажник сам прилип к ним и затем скрылся под полый его пиджака. Мент ничего не заметил...

С дважды украденным бумажником Женя спокойно вышел на остановку. Вслед за ним стали выводить гражданина Оверцева. Прилично одетый мужчина лет сорока приятной наружности, он держался с достоинством королевского льва. В его взгляде чувствовалась могучая внутренняя сила. Таких, как он, не сломишь ничем.

На какое-то мгновение они встретились взглядами. Женя не удержался и подмигнул ему.

* * *

Выпускной бал закончился традиционной встречей рассвета. Женя стойко выдержал эту прощальную церемонию до конца. В этом ему помогли двести граммов водки. Колода прихватил с собой два бутылка. В компании Никиты их и раздавили.

– Как дальше устраиваться думаешь? – спросил Женю Колода.

– В институт пойду...

– У тебя голова светлая, тебе можно...

– А тебе что мешает? – усмехнулся Никита.

– Не потяну я институт. А вот в «технарь» всегда пожалуйста. Меня матушка в советскую торговлю втянуть хочет. А я и не сопротивляюсь...

– И не сопротивляйся... Только если вдруг надумаешь добро государственное приворовывать, обо мне вспомни...

– Это еще почему?

– А потому что я на страже социалистической собственности стоять буду...

Никита говорил об этом предельно серьезно. У него что, температура поднялась?

– С тобой что-то не то...

Примерно такой же диагноз пришел на ум и Колоде.

– Со мной все то. В Высшую школу милиции после армии поступать я буду...

Никита нисколько не шутил.

– Молодец, сознательное решение, – выдавил из себя Женя.

И с этой поры не произнес больше ни слова. Вот так-так, лучший, можно сказать, друг в менты подался. Никита – мент. Даже смешно как-то. Отпетый двоечник и хулиган с уголовниками воевать вдруг надумал.

«Блатные, блатные... Срать я на них хотел!» – невольно пришла на ум фраза, которую выдал Никита почти год тому назад.

Блатные и менты – извечные враги, два противоположных полюса... В один момент Никита стал его врагом. А ведь к «черной масти» Женя не принадлежал. Пока не принадлежал...

Из лесу, где встречали рассвет, возвращались пешком. Рядом с Женей шла под руку Валя. Она влюбленно смотрела на него. И ему не было это неприятно. Некрасивая она, это верно. Но есть в ней что-то. Он ее не хотел как женщину. Но с ней было легко. Как будто душу она ему отогревала.

Они вышли на шоссе, когда к толпе однокашников подрулил на отцовской «Волге» Пашка Великанов. Порисоваться захотел. Остановился он перед Женей.

– Ну чего пешком-то топать? Садись, подвезу...

В машине рядом с ним сидела какая-то девушка. На заднем сиденье темнела еще чья-то фигура. Но два места оставались свободными.

Когда-то они враждовали. Но время сгладило конфликт. Теперь они были если не друзьями, то приятелями, это уж точно. По крайней мере, подвоха Женя не опасался.

Рядом с ним шли Никита и Колода. Но они ему уже были неинтересны. Первый одной ногой, как казалось ему, ступил во вражеский стан. Второй сам по себе никогда особо ему не нравился. Он легко расставался с ними обоими. А ведь он еще сегодня всерьез считал Никиту своим другом...

– Поехали, – соглашаясь, кивнул Пашке Женя и открыл заднюю дверцу.

Но с Валей расставаться не хотелось. Он взял ее с собой.

– Пахан дачу на эту ночь мне оставил. Что хочу, то и творю! Рванули? – Гусарская бравада из Пашки так и перла.

- Поехали? – спросил Женя у Вали.
- Да, – стесняясь, кивнула она.
- Рванули!

Дачу себе Великанов-старший отгрохал на зависть всем. Поистине великанскую. Два этажа, терраса, балкон. И внутри чувствовался размах. Мебель далеко не завалящая, ковры, хрустальные люстры. И камин. Сейчас его развести было в самую пору. Прохлада раннего утра покрывала кожу мурашками.

Стол был заставлен полупустыми бутылками, блюдами с тронутой уже закуской. Видно, сегодня здесь уже веселились. Об этом свидетельствовал не очень трезвый вид спутницы Пашки. И сам он был навеселе.

- Великан, врубай музыку! – капризно потребовала девица.

Он послушался, и колонки, замкнутые на бобинный магнитофон, извергли из себя лихую мелодию американской группы «Бони М».

Великан хотел «толкнуть» тост, но его голос потонул в грохоте музыки. А сбавить громкость он не догадался. А потому опрокинул в себя рюмку водки без всяких предисловий. Женя был этому только рад. Не хотелось слушать пустую болтовню на школьную тему и о перспективах на будущее. А вот музыка его устраивала.

Он также выпил. И Валя не отказалась. Скоро она окосела. Ей было хорошо, весело. И Женю она так сильно любила...

Она не сопротивлялась, когда он повел ее на второй этаж, в спальню с широкой двуспальной кроватью. Не держала его за руки, когда он стягивал с нее нарядное, сшитое на заказ платье. Мало того, она сама сняла с себя трусики и помогла раздеться ему.

Женя был изрядно пьян. Его воображение работало в «больном» режиме. Ему казалось, что перед ним не Валя, а Лена. Потому он и не собирался ее щадить, вгоняя в нее свою штуку...

* * *

В августе месяце Женя готовился поступать в институт, в архитектурный. Все равно в какой, лишь бы учиться и не мозолить родителям глаза. Учиться – не работать. А работать он, хоть убей, не хотел. Не для него производственная рутина. Вот если начальником каким быть, тогда еще ладно. Но кто ж его начальником-то поставит?

Арест неизвестного, коллеги по преступному ремеслу, случившийся на его глазах, сыграл свою роль. Он стал гораздо более осторожным. На рожон не лез. И на худую добычу не зарился. Брал редко, но метко. У него вырабатывался особый нюх на состоятельных людей. И пальцы его становились куда более послушными. Как будто он с детства по карманам шарил. Прямо криминальный талант какой-то. Может, в прошлой жизни он был королем карманников?

Образа жизни своего он не менял. С утра до обеда сидел за учебниками, затем шел на тренировку. А по субботам и воскресеньям шел на рынок. В эти дни народ туда валил валом, а значит, охота обещала быть успешной. Все реже и реже оставался он без добычи.

В начале августа вернулась Лена. Красивая, загорелая, она обворожительно улыбалась и сводила его с ума.

Она по-прежнему видела в нем неопытного юнца. Но Женя-то знал, что это уже давно не так.

- Я хочу пригласить тебя в ресторан, – набравшись смелости, подошел он к ней.

Все-таки они уже ходили вместе в кино. Вроде как дружеские отношения у них. Она не должна была поднять его на смех.

- У тебя что, деньги лишние есть? – удивленно посмотрела она на него.
- Есть.

– Смотри, я девочка капризная. Икру черную ложками ем. – Ей было весело, но она не шутила.

– Я велю принести тебе самую большую ложку...

Она посмотрела на него с интересом.

– Ладно, уговорил. Сегодня я свободна. Сегодня и ходим... Запрягай лошадей...

До вечера оставалась еще уйма времени. Но Женя к выходу в ресторан уже был готов. В шифоньере висел новенький костюм-тройка из дорогого черного сукна. На свои «кровные» купил. Родителям сказал, что ему премию за победу в соревнованиях дали. И они поверили. Только в парикмахерскую он ходил. Подравнил и наpomадил волосы, зачесал их назад. Эта прическа подходила ему лучше всякой другой. А еще перед уходом он сунул в задний карман брюк нож с откидывающимся лезвием. Отличный «кнопарь». Настоящей эковской работы. Длинное, остро отточенное с двух сторон лезвие, мощная пружина, и рукоятка как раз по руке. А обращаться с ножом он умел. Или ему так только казалось?..

Вечером, одетый с шиком лондонского денди, вместе с Леной Женя отправился в центр города. Ехали на такси. Целую тысячу рублей он заработал за это лето. Почему он должен ездить на троллейбусе, тем более с дамой?

Он выбрал самый дорогой ресторан в Тригорске. Гулять так гулять. И заказ сделал рублей на двести, не меньше. Лена с удивлением смотрела на него.

– А денег у тебя хватает?

– И не на один раз...

– Не думала, что ты такой...

– Я такой...

В глазах Лены он видел восхищение. Галантный кавалер, хорошо одетый, воспитанный, состоятельный. И красивый. Он знал себе цену. Он видел ее в глазах женщин из зала, бросающих на него пылкие взгляды. И никакой Лохматый не сравнится с ним...

– Мне пора, – неожиданно сказала Лена, собираясь уходить.

Женя опешил. И часа они не просидели. Первая бутылка шампанского еще не выпита. А она уже уходить надумала. К Лохматому своему спешит. Да срать он хотел на какого-то там Лохматого!.. Женя почувствовал, как внутри его начало закипать. Незнакомое ощущение. Ведь у него стальные нервы... Вот что значит женщина!

– Я тебя никуда от себя не отпущу, – спокойно сказал он и пригвоздил Лену к месту жестким магнетическим взглядом.

В нем всколыхнулась могучая сила. И она эту силу почувствовала.

Лена смотрела на него с раскрытым ртом. Никак не ожидала она, что он может быть таким властным, мужчиной с большой буквы...

– Как это никуда не отпустишь? – тоном, каким рабыня обращается к повелителю, спросила она.

– А вот так... Обойдешься сегодня без своего Лохматого...

– Ты-то откуда о нем знаешь?

– Я все знаю...

И тут Лена вздрогнула. Она смотрела куда-то ему за спину. Женя хотел обернуться, но этого не позволило ему сделать чувство собственного достоинства.

– Кто там? – холодно спросил он.

– Может, я и обошлась бы сегодня без Лохматого. Но он обойтись без меня никак не может... Собственной персоной к нам пожаловал...

Лохматого, эту легенду дворовой шпаны, Женя видел впервые. Коренастый крепыш с пудовыми кулаками. Жесткий, идущий исподлобья взгляд, развитая челюсть, свернутый набок нос, хищная усмешка на дубленом лице.

Он по-хозяйски уселся за их стол. Разрешения присоединиться к их компании он, конечно же, даже и спрашивать не стал. Вместе с ним в мягкое кресло опустился еще один крепыш с темными от чифиря зубами.

– Веселишься, Ленок? – беззлобно спросил Лохматый.

– А что, не имею права? – с вызовом ответила она.

– Имеешь... А кто это нас с тобой сегодня угощает?

Он спрашивал о Жене, но на него даже не взглянул. Как будто его и вовсе не существовало.

– Это Жека, мой сосед. Отличный, между прочим, парень...

– Круто гульбанишь, пацан! – обратился к Жене Лохматый, снова не устаивая его взглядом. – Не хилую поляну накрыл... Откуда «капуста»?

– Это мои проблемы, – сухо ответил Женя.

Перед Лохматым он лебезить не собирался. Не боится он его. И уважать его не за что. Да и вообще, не умеет он лизать чужие пятки.

– Бакланишь ты, фраерок. Внагряк идешь. Не жалую я борзых...

Наконец-то Лохматый посмотрел на него. В хищном его взгляде таилась смертельная угроза. И чувствовалось, что он готов был привести ее в исполнение.

Жене бы отступить, сменить грубость на вежливость. Но сдаваться он не привык. Тем более с ним рядом Лена.

– Сдерни-ка ты отсюда! – метнул в него уничтожающий взгляд спутник Лохматого.

– Нет, – Женя посмотрел на него с вызовом. – Пришел гостем, а хочешь стать хозяином. Нехорошо...

– Эй, ты чо это, сявка, гонишь? – взорвался Лохматый. – Ты на кого бочку катишь, пидор сраный!

– От пидора слышу...

Это была последняя капля. Лохматый вскочил со своего места и резко потянулся к Жене, пытаясь ухватить его за грудки. Но тот вовремя отпрянул назад.

– Ты же вор, по понятиям живешь, – усмехнулся он, разговаривая с ним с безопасного расстояния. – А в драку прямо в ресторане лезешь. Нехорошо...

– Ты по новой вставлять нам вздумал? – Лицо Лохматого перекосило от ярости.

– Есть тут одно место за кабаком. Пойдем, Лохматый, я проучу этого петуха, – потянул Лохматого за руку его спутник.

– Я сам его разменяю...

– Борис, оставь его, прошу тебя, – вступилась за Женю Лена. – Совсем сырой еще пацан. Наговорил тебе всяких глупостей. А ты его всерьез принял... Не трогай его. Меня же мать его живьем съест, если с ним случится что...

– А-а, так он маменькин сыночек! – осклабилась Лохматый. – А что, похож!.. Дергай отсюда, сосунок, пока я добрый...

– Зато я злой. Ну что, выйдем?

Женя оставался невозмутимо спокойным. Как будто за мороженым с добрым другом собрался идти.

– Женя, что ты делаешь? – как на покойника посмотрела на него Лена.

Но он не слушал ее.

За рестораном, на открытой площадке со штабелями ящиков у кирпичной ограды, Женя должен был расстаться с жизнью. Но он так не думал.

– Ну что, фраерок, допрыгался? – В свете качающегося на ветру фонаря лицо Лохматого казалось особенно зловещим. – Кончай его, Рыба!

Значит, его спутника кличут Рыбой. А рыба хороша в жареном виде...

Послышался характерный щелчок откидываемого лезвия. В руках Рыбы блеснуло жало ножа. Женя быстро отскочил назад. И в его руках появился нож.

– А он подкован! – рассмеялся Лохматый. – Уделай его, Рыба!

Крепыш подскочил к Жене и выкинул вперед руку с ножом. Но тот ушел в сторону и нанес ответный удар. Рыба тоже сумел уклониться.

Женя показал мастерское владение ножом. От второго и третьего ударов Рыба уйти не смог. Лезвие ножа по касательной два раза распороло ему кожу на груди. Рубаха пропиталась кровью.

– Э-э, ты черт! – удивленно посмотрел на Женю Лохматый и сам схватился за нож.

Теперь Женя должен был противостоять сразу двум противникам. Лохматый умел обращаться с ножом, и Рыба все еще твердо стоял на ногах – Жене грозила верная смерть.

Женя яростно оборонялся. Но они вместе уверенно зажимали его в угол. Он извернулся, удачно поднырнул под руку Лохматому и всадил нож ему в ногу. И тут же отскочил назад.

Но Лохматого это не остановило. Только еще больше разозлило. Не обращая внимания на рану, он упорно пробивался к цели. Еще немного, и Жене придет конец.

– Ша, Лохматый! Стопори грабли! – послышался вдруг чей-то властный окрик.

Лохматый и Рыба замерли на месте как привороженные. Остановился и Женя. Он с интересом смотрел на приближающегося к ним человека.

В дорогом костюме-тройке, с тросточкой в руке и шляпой на голове, его можно было принять за какого-нибудь профессора. Только очков не хватало. Лицо его показалось Жене знакомым. Да это же «гражданин Оверцев»! Так его, кажется, именовали менты.

– Двое на одного. Не нравится мне такой расклад...

Лохматый под его взглядом стал вдруг мягче пластилина. Значит, большая шишка в воровском мире этот «гражданин Оверцев»...

– Что не поделили? – спросил он.

– Да так, фраер тут возбухал...

– Фраер? Этот, что ли? – кивнул он на Женю.

– Ну да...

– Ничего себе фраер. Как он вас красиво раскрасил. Ты узнаешь меня, пацан? – Он повернулся к Жене.

– Как не узнать... – недрогнувшим голосом ответил тот.

– И я тебя узнал... Это ты мента с «лопатником» моим кинул?

– Почему твоим? Я первый на тот бумажник глаз положил...

«Гражданин Оверцев» внимательно всматривался ему в глаза. Как будто что-то в них искал. После затянувшейся паузы сказал:

– А ты нравишься мне, пацан. Есть в тебе кость... Я перед тобой в долгу...

– Так это он ментов обул? – восхищенно протянул Рыба. – Не хило...

– А ты на него пику драчишь...

– Да не знал я этого, Цирюльник. Гадом буду, не знал...

* * *

Николай Геннадьевич Оверцев, он же вор в законе Цирюльник, с малых лет промышлял по чужим карманам. «Звездохваты» всегда принадлежали к элите воровского мира. Они котиривались не меньше, чем «медвежатники», взломщики сейфов. Ведь это только на первый взгляд кажется, что вытащить кошелек и бумажник легче, чем взломать сейф. Тут нужна фантастическая ловкость рук, да еще особый нюх на опасность.

Таким нюхом Цирюльник обладал. Но менты его все же обхитрили. Ловко выпасли его, повязали с поличным. Ему светил срок. Зона – его второй дом, там он хозяин. Но все же хоте-

лось бы еще хоть немного погулять на свободе. Ан нет, не получалось. И «лопатник» с его пальчиками у ментов, и понятые, и протокол изъятия. Не отвертеться. И вдруг оказалось, что главной-то улики у ментов и нет. Потеряли они бумажник. Но это они так думали. А Николай Геннадьевич хорошо помнил, как заговорщически подмигнул ему какой-то незнакомый пацан. Прилично одетый, ухоженный, с невинным выражением лица, он совсем не похож был на вора. Но это ведь и должно так быть. Как же ты вытацишь у человека кошелек, если от тебя за версту несет уголовщиной? Да от тебя люди будут шарахаться как черт от ладана...

Короче, отпустили менты Цирюльника за отсутствием состава преступления.

А сегодня в кабаке он увидел этого пацана. С Лохматым он схлестнулся. За ресторан двинули выяснять отношения. Видно, девку не поделили. Идиоты!

Цирюльник направился вслед за ними. Видел, как пацан наказал Рыбу. Стойко держался он и дальше, когда Рыба и Лохматый навалились на него вдвоем. Лохматому даже кровь пустил. Но и его вот-вот должны были «покрасить». Отлично управляется он с ножом. Но Лохматый и Рыба тоже не лыком шиты.

Пришлось вступить за него.

А пацан не только на руку крепкий. Чувствуется в нем стальной стержень внутри. Сам Цирюльник с ранних лет был таким. До вора в законе дорос. Вся блатоту тригорскую в кулаке держит. Все перед ним как по струнке ходят. Его слово здесь закон...

– Ты, Лохматый, и ты, Рыба, давайте в тачку и на хату. Раны зализывайте...

– Базара нет, Цирюльник, – покосился на пацана Лохматый.

– Я на тебя не в обиде, – прижимая рубаху к израненной груди, сказал ему Рыба.

Пацан оставался спокойным как удав. Железная выдержка. Далеко пойдет, если не останавливать...

– И много «капусты» в моем «лопатнике» ты обнаружил? – спросил его Цирюльник, когда Лохматый и Рыба исчезли.

– Пусть будет в твоём... Это не важно, – с достоинством ответил он. – Сотня и три червонца...

– Не густо...

– Но и не пусто... Если ты не против, давай их вместе в ресторане просадим...

Предложение Цирюльнику понравилось.

* * *

Когда Женя и Цирюльник возвратились в ресторан, Лены там уже не было. То ли с Лохматым ушла, то ли сама по себе.

Но они встретились на следующий день. Она вошла к нему в комнату, когда родители были на работе. В коротком до самых трусиков платье, в босоножках на высоком каблуке, с распущенными волосами, припудренная и накрашенная, она казалась ему неотразимой.

Он сидел за учебниками, готовился к экзаменам. Он не изменил своему правилу даже сегодня, когда голова раскалывалась после вчерашней пьянки с Цирюльником.

Они почти не разговаривали. Так, обменивались общими фразами. Оба оказались не из породы говорливых. Цирюльник с интересом смотрел на него. Сказал, что Женя чем-то напоминает его в молодости. А еще наблюдал за ним, смотрел, как он держится во хмелю. С собой, что ли, сравнивал. Ну а он держал марку. И додержался. Когда он прощался с ним, все вроде было ничего. Но как только тот ушел, Женю развезло. Такси кое-как поймал, чуть салон не облевал. Но ничего, сегодня не умирает, хотя и плоховато...

– Ты это серьезно? – спросила она, кивнув на книги.

– Не понял, – он действительно не понял, что она хотела сказать.

– Зачем тебе все это?

– Ученье – свет... В институт буду поступать...

– Зачем тебе институт? Ты же вор...

Она сказала это не с презрением. Напротив, в ее голосе звучало почтение, даже преклонение перед его персоной. Она привыкла уважать воров. И оказалось, что Женя был одним из них.

– Кто тебе это сказал? – удивленно спросил он.

– Ой, только не надо ля-ля. Я у Лохматого была. Он мне о тебе все растрепал... Ну ты, блин, даешь! Рыбу пописал, Лохматому ногу закрасил...

– Я же чемпион Союза по фехтованию, не забывай об этом...

– Но не по перьям же чемпион...

– Почти никакой разницы...

– А Цирюльника от ментов отмазал. «Лопатник» у мусора стибрил... Да тебе памятник ставить надо...

– На могилу?

– Ой, Женечка, я не то хотела сказать, – она испуганно посмотрела на него.

Она заискивала перед ним. Для нее он сейчас был даже покруче Лохматого. Совсем недавно о таком отношении он мог только мечтать. А сегодня это уже свершившийся факт.

– Да ладно...

– А Лохматый тебя зауважал. Ты теперь, говорят, у самого Цирюльника в крестниках числишься. Не одна падла теперь тебя не тронет...

– А я никого и не боюсь...

– Ты это зря. Бояться всего надо. Иначе осторожность потеряешь...

– Не тебе меня учить...

– Ой, Женечка, какой ты у меня! – Ее глаза заискрились радостью.

«...Ты у меня...» Так и сказала. Значит, теперь она принадлежит ему.

– Как ты насчет того, чтобы прямо сейчас в ресторан закатиться? Голова трещит, опохмелиться бы не грех...

– А может, не надо...

Она загадочно улыбнулась ему. Глаза заволокла дымка желания. Она хотела его!

– Что значит не надо?

– У меня есть бутылка вина. Давай прямо здесь по бокальчику и пропустим...

– Не надо вина...

Он встал со своего места, подошел к ней, взял ее за руку и подвел к дивану. Она не сопротивлялась. Ее глаза устремлены были на него, в них резвились похотливые бесята. Она вся была в его власти.

Женя привлек ее к себе. Коснулся губами ее губ.

– Женечка, ты такой... – протянула она восхищенно, подставляя ему щеку.

– Какой?

– Давай я помогу тебе...

Она отстранилась от него, подбежала к двери, провернула ключ в замке и бегом вернулась к нему.

Ее рука потянулась к «молнии» на платье. Послышался звук разъезжающихся застёжек. Еще мгновение, и она осталась перед ним в одних трусиках. Лифчика она не носила.

У Жени перехватило дух. Свершилось! Лена обнажилась перед ним. Божественно красивое лицо, роскошные волосы, длинная шея, полные упругие груди, тонкая талия, покатые бедра, длинные ноги... И это все для него!

Она сама раздела его, положила спиной на диван. Рукой коснулась его «флагштока», и «знамя» взвилось ввысь. Похотливо улыбаясь, она запрыгнула на него верхом и поскакала... Не думал Женя, что быть конем – это так приятно...

– Ну что, ходим сегодня в кабак? – спросил он, когда все закончилось.
– Нет, Женя, я не могу... – сказала она, натягивая платье.
– Почему?
– Ты же знаешь, что я с Лохматым тасуюсь...
– Завязывай с ним...
– Ну да, легко сказать... Да он же меня на нож посадит, если я брошу его...
– Я сам его на нож посажу...
– Нет, Женечка, тебе это ни к чему... Без меня ты и так не останешься. Я баба развратная, меня на всех хватит... С тобой мы будем здесь шалить, а с Лохматым на малинах...
– Я не хочу тебя ни с кем делить...
– Не будь эгоистом, Женечка... И вообще, Лохматый предупредил меня. Я, говорит, к Жене твоему претензий не имею. Он пацан хоть и молодой, да ранний. Сам Цирюльник его под опеку взял. И с «пером» на «ты». Но если, говорит, к тебе клеиться будет, я его порежу. Так ему и передай... Вот я тебе, Женечка, и передаю...
– Не боюсь я его...
Лена внимательно всмотрелась в его глаза. И сказала:
– А ты и в самом деле не боишься, – разглядела, значит. – Ненормальный ты какой-то. У тебя что, нервов нет?
– Не знаю. Но я ничего не боюсь.
Он и в самом деле ничего не боялся. Разве что только Лену потерять...
– Железный ты мой... Но ты хоть за меня побойся. Кончит меня Лохматый...
– И тогда он труп...
Он был уверен в том, что вгонит нож в Лохматого, не задумываясь. Убить ублюдка – а что тут такого?..
– Но мне же от этого легче уже не будет...
– Достала ты меня со своим Лохматым... Иди к нему, видеть тебя больше не могу...
– Уже давно бы так, Женечка. Правильно, гони меня, непутевую...
Лена несколько не обиделась на его грубость.
Дешевка она самая настоящая, прошмандовка долбаная. А все недотрогу из себя корчила... И все равно он не мог без нее. Он хотел ее безумно... Да, за такую можно и убить...

* * *

Лена приходила к нему каждый день. Выжимала из него все соки и убиралась до появления родителей.

Она заставила забыть его об учебниках и подготовке к экзаменам. Но все равно экзамены он сдал на «отлично». Его зачислили на первый курс архитектурного института. Вместе с ним в этот же институт поступила и Валя.

Валя, Валя... Она так и не поняла, что не нужна ему. Он переспал с ней, но это была случайность. Он просто не мог в ту ночь контролировать себя. А она, дурочка, думает, что у них все серьезно. Поэтому и поступила в один с ним институт. Хоть там будет видеть его...

Выходные с утра до обеда Женя проводил на городском рынке. И почти всегда возвращался с добычей. Он научился орудовать остро отточенной монетой, прорезать ею сумки, накладные карманы.

Если бы он нашел вдруг огромный клад, стал миллионером, то и тогда не бросил бы свое воровское ремесло. Восторг, который он испытывал с каждой новой удачей, можно было сравнить разве что с оргазмом. И то не в пользу последнего. Возможно, он заразился вирусом kleptomании.

К сближению с другими ворами он не стремился. Но те, в сущности, негласно приняли его в свою среду. Ведь за ним стоял сам Цирюльник. Да и помимо этого, все признали в нем вора, и притом фартового. Только по законам воровского мира он жить пока не хотел. Его устраивал свой собственный мир. Он оставался волком-одиночкой. И нисколько об этом не жалел. Но он знал, что рано или поздно ему придется всерьез приобщиться к «молитве», к своду воровских законов. Это случится, когда он попадет за решетку. А сия злая доля его вряд ли минует. Ведь он не собирался завязывать со своим преступным ремеслом...

Тело Лены нашли ранним утром в городском парке. Его обнаружил мужчина, выгуливавший там собаку, он же и позвонил в милицию. Она лежала на спине с широко распахнутыми глазами, устремленными в небо. Но она ничего не видела. Нож, вошедший ей в сердце, поставил точку в ее беспутной жизни.

С нее была сорвана юбка, трусики валялись рядом. Перед тем как убить, ее грубо изнасиловали. Насильники и убили. Таковой версии и придерживались ментовские следки. Но Женя знал, что это не так. Изнасилование – это всего лишь инсценировка. Ее убил Лохматый. Из ревности...

Еще вчера они занимались любовью. А сегодня ее уже нет. В голове у него постоянно крутилась фраза, брошенная ею на прощание. «А ты знаешь, Лохматый, кажется, обо всем догадывается...»

Значит, узнал он все-таки, что она изменяет ему с ним.

Вечером того же дня с пикой в кармане Женя отправился на поиски Лохматого.

Он не был влюблен в Лену. Не питал к ней никаких сильных чувств, кроме полового влечения. А хотел он ее всегда... Он потерял ее. Его лишили ее. Убивая ее, наказывали его. А никто не смеет наказывать его... Он должен посчитаться с убийцей.

Лохматого он подкараулил на выходе из ресторана, откуда он возвращался поздно ночью. От него разило коньяком. Лену, сука, поминал...

– Зачем Лену убил? – хмуро спросил его Женя.

Руку он держал в кармане. Нож уже был раскрыт. Лохматый был один. Но от него всего можно было ожидать.

– А-а, это ты?..

– Зачем Лену убил, спрашиваю? – повторил Женя.

– И тебя замочу, ублюдок! – недобро усмехнулся Лохматый, глядя ему за спину.

– Это мы еще посмотрим!..

И в это время он почувствовал острое жжение в левом боку. Как будто раскаленный прут ввели ему под сердце. Он попытался вдохнуть в себя воздух, но легкие отказались его принимать. Тело налилось свинцовой тяжестью. Голова закружилась, Лохматый стал куда-то исчезать...

– До встречи на том свете! – услышал он слова, дошедшие до него откуда-то издалека, вместе с обрывками смеха. И тут же все куда-то пропало. Он начал проваливаться в пустоту...

* * *

С трудом разлепив веки, он увидел над собой белоснежный потолок. Женя попробовал пошевелить рукой, но тело его совершенно не слушалось. Он хотел кого-нибудь позвать, но язык не повиновался. Неужели он умер?

И он снова провалился в бездну небытия...

Он лежал в реанимационной палате. Но этого он не знал.

Лохматый был готов к встрече с ним. Все предугадал, рассчитал. В тот момент, когда Женя доставал нож, один из его кентов зашел к нему сзади и насадил его на «перо».

Его оставили лежать на тротуаре, в безлюдном месте. Он бы и скончался там от внутреннего кровотечения, но по воле случая туда заглянул какой-то ночной гуляка. Он-то и вызвал «Скорую помощь».

Врачи очень старались сохранить жизнь Жени. И после трех дней неустанных трудов им это удалось. Но все равно угроза для жизни не миновала и оставалась серьезной...

Когда он открыл глаза снова, тело и язык уже повиновались ему. Первой, кого он увидел, была Валя. словно из тумана на него надвинулось ее лицо.

– Лена... – прошептал он, принимая ее не за ту.

Валя ничем не похожа была на Лену. Жидкие черные волосы, заплетенные в смешные косички, некрасивое лицо, оттопыренные уши. Сама она была костлявой, бесфигуристой. Грудь как прыщики – зеленкой можно прижечь.

– Что, милый? – улыбнулась она.

Как будто не заметила, что ее назвали чужим именем.

Улыбка ее преображала. Она становилась красивее. И еще глаза. Они светились добротой, нежностью. Через них он видел ее душу, чистую, как ноябрьский снег. В нее можно было влюбиться только из-за одних ее глаз.

Но Женя ее не любил. И не стремился полюбить. Но с ней ему было хорошо. Только одним своим присутствием она создавала уют на душе.

– Где я?..

– В больнице. Бандиты какие-то тебя ножом ударили...

– А... бандиты... – вяло повторил он и снова потерял сознание.

Следователь уголовного розыска пришел к нему, когда он достаточно окреп для серьезного разговора.

– Вас ударили ножом. Расскажите, как это было? – сухо попросил усталый мужчина в форме капитана милиции.

– Я ничего не видел. Возвращался после тренировки домой. Все произошло так неожиданно...

– Значит, вы никого не видели?

– Никого...

– А почему у вас в руке был обнаружен нож? Кнопочный. Вы от кого-то хотели защититься?.. Или на кого-то напасть?

Капитан смотрел на него обличающим взглядом. Ага, так он ему сейчас все и расскажет.

– Не знаю, ничего не знаю, – как будто бы теряя сознание, пробормотал Женя и закрыл глаза.

Следователь оставил его в покое. Но только до поры до времени. На следующий день он явился снова. На этот раз он пришел в штатском.

– Мы навели о вас справки, гражданин Лагунин, – мягко, но тоном вполне официальным жестко начал он. – Вы законопослушный гражданин. Не курите, изредка выпиваете, в институт поступили, спортом занимаетесь, в подозрительных компаниях замечены не были...

– Так чего же вам от меня нужно? – скупающе посмотрел на него Женя.

Он догадывался, что его положительные характеристики – предвестники бури. И он не ошибся.

– Не буду говорить, из каких источников поступила информация. Скажу только, что вы связаны с уголовным миром. Вы вор-карманник. А еще нам известно, что это вы помогли уйти от уголовной ответственности гражданину Оверцеву. Вы уничтожили важнейшую улику...

– Вы меня с кем-то путаете, – с искренним удивлением посмотрел на следователя Женя.

Ему не сказали, из каких источников получена информация. Но он догадывался. В преступной среде у ментов есть свои агенты. А среди блатных уже прошел слух, что Женя выру-

чил Цирюльника. Вот вам и результат, кто-то настучал операм. Но все это бездоказательно. На пушку его берет «следак».

– Нет, информация достоверная и касается именно вас...

– Чепуха все это.

– С точки зрения закона да. У нас, признаться, пока что нет ничего против вас. Но с точки зрения морали...

– Мораль оставьте себе...

– Вот, значит, как?.. – Следователь посмотрел на него с усмешкой. – А теперь о главном. Есть основания полагать, что убить вас пытался некий Григорий Васильевич Лохматов, он же вор-домушник по кличке Лохматый... Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Абсолютно ни о чем...

Разговор со следователем утомил Женю. У него закружилась голова. Он был близок не к притворному, а к настоящему обмороку.

– Я бы не советовал вам темнить. Лохматый – опасный человек. Если он останется на свободе, вас ждут большие неприятности...

– Я понимаю...

– Вот видите...

– Но Лохматого я не знаю... Впервые о нем слышу...

Жене стало плохо, перед глазами пошли круги. Он терял сознание.

– Я с ним сам разберусь...

Это были последние слова, которые услышал следователь до того, как Женя закрыл глаза.

Медленно, но, как говорится, уверенно состояние здоровья Жени улучшалось. Полгода провалялся он в больничной палате, прежде чем родителям разрешили забрать его домой.

Иногда к нему приходил настырный следователь. Крутил его на Лохматого. Но бесполезно. Женя его не сдал. Он берег его для себя. Он сам расправится с ним... В конце концов его оставили в покое. Уголовного дела по факту ношения холодного оружия не возбудили. Не было на это оснований. Ни протокола изъятия, ни понятий.

От него отстали. Но душеспасительных бесед не проводили. Это настораживало. Зато родителям ничего не сообщили о его «карманных» подвигах. Это бы их убило.

Он лежал в больнице, затем дома. И каждый день его навещала Валя. Он привык к ней. Она стала для него чем-то вроде необходимой вещи, без которой в душе не было уюта.

Врачи не гарантировали ему полного восстановления здоровья. Мало того, ему настоятельно рекомендовали избегать физических нагрузок. Из всех видов спорта заниматься можно только шахматами и шашками. Такие вот дела. Только Женя плевать хотел на их рекомендации.

Когда он почувствовал себя совсем хорошо, он начал делать зарядку, обливаться ледяной водой. Каждый день он увеличивал нагрузки. К маю месяцу он мог отжиматься от пола, подтягиваться на перекладине, так, словно не было ни ранения, ни больницы. И гирию двухпудовую кидал на руке играючи. Валя однажды застала его за этими занятиями и чуть не лишилась чувств.

– Тебе же нельзя! – возмущенно протянула она, выхватывая гирию из его руки.

Он послушно разжал ладонь. Валя охнула, пытаясь удержать гирию, и вместе с ней села на пол.

– Ну и тяжесть... И ты это тягаешь?

– И, как видишь, жив-здоров... Никогда не слушай докторов, иначе долго не проживешь...

– Какой ты у меня...

«Какой ты у меня...» Так, помнится, говорила и Лена. Женя ощутил вдруг толчок в паху. Там что-то зашевелилось.

– Иди ко мне, – он поманил к себе Валу.

Она послушно подошла к нему. И тут же оказалась в сильных тисках его рук. Он стал стягивать с нее платье, и она была только рада этому...

К восемнадцати годам Валя немного поправилась. Угловатость уже не портила ее фигуру. И уже не костлявая, а просто худенькая. И кожа такая приятная на ощупь. Груды налились соком, в ладонь уже не помещаются. Тело у нее стало довольно аппетитным. Только лицо по-прежнему не отличалось особой красотой. Но кожа чистая, нежная и так приятно пахнет. И глаза... От них исходило очарование.

Занимаясь с нею любовью, Женя на ее месте уже не представлял никого...

* * *

Отжимание от пола, подтягивание на перекладине, гири – это одно. Помимо этого, Женя упражнялся в фехтовании. Не на рапирах, а на ножах. Он представлял, что перед ним Лохматый, и носился по комнате в смертельном с ним поединке. А еще он продолжал совершенствовать свои пальчики, делал их более ловкими, чувствительными. Он не собирался завязывать со своим воровским прошлым.

Когда он окончательно окреп, он начал думать, как подступиться к Лохматому. Думать долго не пришлось. Подкараулить его где-нибудь в темном месте и всадить «перо» под ребро. Какие уж тут проблемы? И не обязательно «кнопарь» с собой иметь. И кухонный нож вполне для этого дела сгодится.

И все же он прошвырнулся по рынку. А вдруг кто предложит ему стоящую «пику». И он не обманулся в своих ожиданиях. Как будто по заказу к нему подошел небритый мужик с красными от беспробудных пьянок глазами и показал добротный нож с выкидным лезвием. Он купил его не торгуясь.

А еще через неделю после этого он выследил Лохматого. В темноте шел за ним до самого его дома. Жил он в старом четырехэтажном доме с замкнутым двором, в который вела темная длинная арка. В подворотне Женя настиг Лохматого и, ничего не говоря, сунул ему под ребро «перо». И провернул его, чтобы уж наверняка.

Он хорошо помнил, как разговаривал с ним, когда хотел рассчитаться за Лену. Разговор ни к чему хорошему не привел. Он отнял время, а этим временем воспользовались другие. Его самого посадили на нож. Больше подобной ошибки он не допустит. Врага нужно убивать, не оставляя ему времени на молитву.

Лохматый захрипел, обернулся к Жене, глянул на него стекленеющим взглядом и, прильнув к стене, начал оседать на землю.

И в это время тишина в подворотне взорвалась вдруг вспышками света и грозными окриками:

– Стоять, не двигаться, милиция!

Женя обернулся на звук, и ему в глаза ударил луч света от мощного фонаря. Мелькнули две тени, руки его оказались в плену жестких захватов, и на них тут же замкнулись наручники.

– Вы арестованы, гражданин Лагунин! – услышал он знакомый голос.

Да, это был тот следователь, который крутил его на Лохматого.

* * *

Игнат Германович Калугин служил в уголовном розыске не первый год. Он был матерым волкодавом. Люто ненавидел всякую уголовную мразь, готов был воевать с ними круглые сутки. И воевал, не зная ни сна, ни отдыха.

В прошлом году поступило сообщение о ножевом ранении. Случай этот не окончился смертельным исходом только благодаря чуду и крепкому здоровью пострадавшего.

Молодого человека пырнул ножом матерый уголовник – об этом свидетельствовал характер удара. Сам пострадавший не производил впечатление человека, хоть как-то связанного с уголовным миром. Отличник, спортсмен, послушный сын родителей, блестящие характеристики из школы. Разве что только не комсомолец. Но Калугин все же начал копать под него. Связался со своими агентами, а их у него много. И узнал любопытную вещь. Женя Лагунин, оказывается, тихий вор-щипач. В воровской синклит не входил. О его существовании, возможно, никто бы и не знал, если бы не случай. Он, оказывается, обул опера, взявшего Цирюльника с поличным. А ведь сколько трудов Лешка Осипов положил на то, чтобы подобраться к знаменитому законному вору. И на тебе, какой-то пацан увел из-под носа решающую улику.

«Я сам с ним разберусь...» Эта фраза, в полузабытьи брошенная Лагуниным, дала информацию для размышления.

Судя по сообщениям агентов из уголовной среды, Лагунин не тихий ангел, каким кажется с виду, а черный демон. Сам Цирюльник удивлен был его стальной выдержкой. А еще он отлично управлялся с ножом. Порезал Лохматого и его подельника Рыбу. А ведь они оба матерые волки, с детства к «перу» приученные. И сильные, как быки. А Лагунин среднего роста, худощавый. Но сила в нем дьявольская.

Давно уже хотел Калугин подцепить Лохматого. Загулялся тот на воле, не одну квартиру обчистил. Да только осторожно работал домушник, не оставлял следов. Но Лагунина он подрезал. Или его дружки. Так или иначе, его самого или кого-нибудь из его кодлы он бы заковал в наручники. Но Лагунин молчал как рыба. Похоже, он сам решил разобраться с Лохматым.

И тогда у Калугина созрел план.

Лагунина выслеживал он вместе с Лешкой Осиповым, который только рад был помочь ему. Ох и зол же он был на этого пацана! Бумажник у него выродок этот спер, выставил на всеобщее посмеище...

Пока Лагунин лежал в больнице, они были спокойны. И когда болел дома, тоже не особенно переживали. А вот когда он окреп и вышел из дому, они забеспокоились. Тогда слежка и началась.

Интуиция Калугина не подвела. Лагунин и в самом деле собирался свести счеты с Лохматым. Неосторожно поступил тот, решив, что он более не опасен. За что и поплатился. Он получил «перо» в бок. А доблестная советская милиция в лице капитана Калугина и майора Осипова могла похвастать тем, что преступление раскрыто на месте. Убийца гражданина Лохматова взят с поличным. И сам дьявол не поможет ему теперь уйти от ответственности.

* * *

Грозно лязгнул запор, жалобно скрипнула железная дверь, и Женю втокнули в тесную душную камеру городского следственного изолятора.

Его лицо оставалось невозмутимо спокойным, когда, спускаясь по ступенькам, он осматривал место своего заточения. Жара, духота, вонь параша и грязных носков. Хмурые озлобленные лица уголовников.

В новом костюме-тройке, в белой рубашке, выглаженный, вычищенный, еще пахнущий дорогим одеколоном, он пришел к ним из чужого мира. И совсем молодой, восемнадцать совсем недавно исполнилось. А еще – красивый. Лицо по-детски нежное, еще не знавшее бритвы. Кое-кто даже устремил на него похотливые взгляды.

– Проходи, красавчик! Чего встал? – глумливо усмехаясь, подкатил к нему красномордый мужик с пивным животом. – Кавалеры приглашают дам! – куражась, он протянул руку, чтобы провести его к свободному месту.

Но Женя словно не замечал его. Как будто его и вовсе в этой камере не было. Ни одна черточка не дрогнула на его окаменевшем лице. Он спокойно обогнул наглеца и прошел к своему месту. И занял его с видом хозяина.

Толпа подследственных с интересом наблюдала за ним и пузатым. Для них начиналось цирковое представление. Это хоть как-то должно было скрасить их серое и мерзкое существование.

– Ну и видок у тебя, пацан!

Красномордый подошел к Жене и навис над ним всей громадой своего жирного тела. Но тот по-прежнему не замечал его.

– Ты как тот музыкант, который на концерт пришел... А может, ты нам сыграешь?.. У меня флейта есть!

– Кожаная? – засмеялся кто-то.

– А то какая?.. Когда ее на клык берешь, такая музыка получается... Ну так чо, пацан, сыграешь нам...

– Я только на скрипке играть могу, – немного подумав, сказал Женя.

Взгляд толстопузого наполнился весельем.

– На скрипке? А это еще куда?..

Воздух сотряс оглушительный смех.

– А я покажу...

Женя встал, вышел на середину камеры и взял в руки невидимую скрипку, поднес к ней невидимый смычок. И заиграл. Только музыки, конечно, никто не услышал.

– Хреновая у тебя скрипка, дружок! – насмехаясь, заметил толстопузый. – А вот моя кожаная флейта тебе будет в са...

Он не договорил. Правая рука Жени с плавного движения перешла в резкий взмах. Пузатый вдруг замолчал и отскочил от него. Из его рассеченных щек фонтаном хлынула кровь.

Медная пятикопеечная монета служила Жене неким талисманом. Он брал ее с собой всегда, даже если не ходил на дело. Была она с ним, когда он нанизывал на нож Лохматого. С нею его повязали менты. Она не принесла ему удачу. Но расставаться он с ней не хотел. Его обыскивали, и не раз. Но всегда он умудрялся сохранить ее. Он, как фокусник, перекладывал ее с места на место. Никто не смог ее найти.

Когда толстопузый на полуфразе широко раскрыл рот, Женя и полоснул его монетой, крепко зажатой в пальцах. Он рассек ему пасть. Теперь ему в глотку можно было запихать целый арбуз.

Хватаясь за рассеченные щеки, пузатый недоуменно посмотрел на Женю. Потом дико заорал. И бросился на него. Но нарвался на кулак, устремленный ему в переносицу. Как будто он напоролся на железную трубу. Тело его содрогнулось, и он грохнулся на пол. Подняться с него он не пытался. Зажимая щеки руками, он жалобно заныл.

– Ничего себе! – присвистнул кто-то.

– Вот ты и дома! – услышал Женя чей-то одобрительный голос.

Он обернулся и увидел седовласого мужчину с жесткими чертами лица и лукавыми глазами. Его он раньше никогда не видел.

Но тот, оказывается, знал его.

– В миру у тебя не было имени, – сказал седовласый, подходя к нему.

Его внимательно слушали. Вне всякого сомнения, у него здесь был непререкаемый авторитет.

– Тебя звали просто Женя. А в нашем мире имена другие... Ты хорошо играешь на скрипке, – он усмехнулся, покосившись на красномордого. – Поэтому будем звать тебя Скрипач. Вот ты, Скрипач, и дома... Теперь будешь жить по нашим, воровским, законам. Ты же вор. Хотя еще и не совсем наш... Цирюльник маляву с воли подогнал. За тебя подписывается...

– Но откуда он...

– Он все знает, – перебил седовласый. – Ты еще не знал, в какой хате чалиться будешь. А Цирюльник уже знал... Он в курсе всего... Все верно, Лохматого уже давно пора было разменять. Зарывается он. Его еще до тебя приговорили. Но ты всех обскакал...

– Так это он Лохматого мочканул? – слышалось со стороны.

– И за Цирюльника подписался. Мента с «лопатником» нагрел. Мы о тебе, Скрипач, все ведаем. Только ты не наш. Не по нашим законам живешь... Но это, я думаю, поправимо... Или нет?

– Да, – твердо сказал Женя, глядя собеседнику в глаза.

Суд над ним состоялся ровно через месяц после ареста. Следствие не заняло много времени. Неопровержимые доказательства вины решили его судьбу еще до вынесения приговора. А приговор был суров. Одиннадцать лет строгого режима.

Но Женя воспринял его спокойно. Как будто его на курорт в Сочи по туристической путевке отправляли. А в чем, собственно, дело? Если его посадили, значит, так оно и должно было случиться. От судьбы не уйдешь.

Только его родители не разделяли подобной философии. Они узнали о темной стороне его жизни. Но продолжали воспринимать случившееся с ним как досадное недоразумение. И отказываться от него, как это делали в подобных случаях некоторые другие, не собирались.

Не собиралась отказываться от него и Валя. В отличие от родителей она догадывалась, что темный путь, которым он пошел, избран им сознательно.

– Ты знай, я буду ждать тебя, – сказала она ему на последнем свидании.

Завтра он должен был уйти по этапу.

– Одиннадцать лет? Тебе это ни к чему, – попытался он вразумить ее. – Ты симпатичная, молодая, умная. Выйдешь замуж, нарожаешь детей...

– Мне никто не нужен, кроме тебя...

– Но я не люблю тебя, – спокойно сказал он.

Однако она не поверила этому. Странно, ведь он никогда не уверял, что любит ее.

– Расскажи это кому-нибудь другому, – покачала она головой. – Тебе нужна только я...

На том они и расстались.

* * *

«Столыпинские» вагоны подогнали к специальной платформе. Слышались скрип тормозов и окрики конвойных. Осужденных выталкивали на площадку, выжженную жарким солнцем.

Покинув вагон, Женя жадно вдохнул сухой горячий воздух. Он обжег ему легкие. Но все равно Женя был рад ему. Надоела теснота и вонь, в которой он пребывал столько дней.

Их вывезли в пустынные казахстанские степи. Летом жара плюс сорок, зимой столько же, только со знаком «минус». Гиблые места. Но, как говорится, за что боролся...

Он сидел на корточках на земле. Механизм самосохранения снова отключил его эмоции и чувства. Он спокойно воспринимал суету вокруг себя, крики конвойных и лай собак.

Три сотни зэков проверили по списку, выстроили в колонны и погнали по пыльной дороге.

– Знаю я эти места, – сказал Голландец, шедший рядом с Женей.

Тридцать лет ему. Третья ходка. Все на квартирных кражах попадался. «Молитву» читал, все знал и многому мог научить. Женя скентовался с ним. Одному в неволе выжить невозможно. Это была одна из истин, которую ему успели вдолбить.

– Четыре зоны здесь, бабы в одной парятся...

– О! – загудел кто-то.

– Вот тебе и «о». Только баб даже издали не увидишь. Их зона не в этой стороне... Тут одна зона «сучья», – Голландец вдруг забеспокоился. – Гадом буду, нас туда, похоже, и тянут...

Женя уже знал, что зоны бывают «воровскими» и «сучьими». В одних шишку держат воры. Там четкая иерархия. «Черная масть» сверху, «мужики», «черти» и «законтаченные» снизу. В «сучьих» все по-другому. Там порядки устанавливает администрация. «Отрицаловка» там не в почете. Воров в «бурах», в ШИЗО как картошку гноят. А еще их ссучивают, даже опускают, «петухами» делают. И это самое страшное. В этих зонах «красные» с «косяками» на руках всем заправляют. «Черная масть» как бы в стороне. «На свободу с чистой совестью» – этот девиз не вызывал там особых насмешек. «Мужикам» там самый кайф, а вора – погибель.

Женя сравнительно долго держался в стороне от воровского синклита. Воровал и жил сам по себе. Не стремился жить по законам блатных. Но теперь все изменилось. Он выбрал свой путь и уже идет по нему обеими ногами. Воровские идеалы еще непрочно засели в его голове. Но от них он уже не отступится. Тем более, если к этому его будут принуждать...

В воровских понятиях была одна сторона, которая как нельзя кстати подходила к его натуре. Он ненавидел грубую физическую работу во всех ее проявлениях. А воры как раз такой работы и должны были избегать. Для них это запаadlo. Ему тоже. Пусть лучше быют коваными сапогами, гноят в ШИЗО, но работать он не будет. Не будет, и все тут!

Голландец был прав. Их привели в «сучью» зону.

В карантине им выдали эковские робы, «пидорки», кирзовые сапоги. Какое-то время продержали в карантинном бараке, а затем распределили по отрядам.

Женю определили во второй отряд, Голландца в третий.

– Чего-то я не врубаю, меня к вора кидают, – сказал он. – А тебя к «мужикам». Во втором отряде «красных» выше крыши. Задавят они тебя...

Этим Голландец особо подчеркивал, что Женя – вор, он причислял его к «черной масти». И Женя не должен был уронить чести. Хочешь не хочешь, а держись за понятия намертво. Не опускайся до уровня «мужиков». А опуститься проще простого.

В бараке недавно сделали ремонт. В помещении приятно пахло свежей краской. Ровные ряды шкафов в два яруса, аккуратно заправленные одеяла, подушки. Никакого сравнения с вонючими камерами следственных изоляторов и пересыльных тюрем.

Вечером с промзоны после работы вернулись обитатели барака, усталые, голодные эки. Они косились на вновь прибывших, но зла им не чинили. Просто узнавали, кто есть кто. Похоже, к «черной масти» здесь не принадлежал никто. Как же тогда быть? Ведь и он сам принадлежал к вора постольку-поскольку. Никто о нем толком ничего и не знал.

На все вопросы он отвечал короткими «да» и «нет». Статья, по которой он мотал срок, причисляла его к категории тяжеловесов. Умышленное убийство – это серьезно. К нему относились уважительно.

А утром он отказался идти на работы. На вопрос «почему?» он отвечал молчанием. Никто не смог вытащить из него и слова. Тогда его отправили прямым ходом к начальству. Там долго с ним не разговаривали.

– Ты что, вора из себя корчишь?

В ответ тишина.

– К «отрицаловке» примкнуть хочешь?

Молчание.

– В штрафной изолятор его, в камеру восемь.

В ШИЗО так в ШИЗО. Лишь бы только не работать...

В камере восемь парились «петухи». Об этом ему с насмешкой бросил «попкар», спровадивший его до «хаты».

– Только не вздумай сказать им, что ты вор, – предупредил он.

Мог бы и не предупреждать. «Дырявые», они же «неприкасаемые». Эти люто ненавидят воров, благодаря которым на зонах их унижают, издеваются. Только скажи им, что ты причисляешь себя к «черной масти», тут же опустят тебя. И все, выше «петуха» уже никогда не прыгнешь. Каждый будет только рад плюнуть тебе в лицо, садануть по почкам сапогом.

А еще, рассказывал ему как-то Голландец, к «обиженным» нельзя прикасаться, есть с ними из одной тарелки. У них даже своя посуда, пробитая гвоздем, чтобы порядочный человек ненароком не опоганился. И «очко» в сортире свое. Только справь туда нужду, самого тут же опустят.

Так как же ему тогда быть? Ведь в камере только одно «очко» и туда справляют нужду «петухи». Похоже, влип он круто...

– Они этого не узнают, – резко разворачиваясь к надзирателю, сказал он. – Я просто в эту хату не пойду!

– Что?! – от изумления тот даже разинул рот.

– Не пойду, и все тут!

Женя гордо вскинул голову, и тут же мощный удар в живот опрокинул его на пол. «Попкарь» начал бить его ногами. Он не сопротивлялся. Пусть бьет, пусть до полусмерти избьет. Тогда его не в камеру к «дырявым» отправят, а в лазарет, к «лепиле».

Скоро к «попкарю» присоединился еще один коллега. Ногами они работали от души. Еле живого Женю куда-то поволокли. Куда именно, он понял, когда очутился в крохотном помещении с бетонным полом. Ни сесть, ни встать.

В карцере он пробыл два дня. Они показались ему вечностью. Избитое тело нещадно болело, его колотила дрожь, ноги подкашивались, он то и дело впадал в забытие. Хотелось умереть, лишь бы только вырваться из этого ада. Он не помнил, как его вытаскивали оттуда, как тянули за ноги по цементному полу. В голове все перемешалось. Как из тумана перед его мысленным взором выныривали мама и отец. «...Нельзя, сынок, воровать...» Издалека улыбалась Лена. «...Я хочу тебя... Иди ко мне, здесь так хорошо...» Выплывали влюбленные глаза Вали. «... Я буду тебя ждать...» Он не знал, где он находится, что с ним делают, куда тащат. Но все стало на свои места, едва он оказался у знакомой железной двери. Его собирались бросить в камеру к «петухам». Круг замкнулся.

– Нет!!! – Женя сделал последнее усилие и вырвал свои ноги из рук «попкарей».

Рывком поднялся на ноги, отскочил в сторону и застыл в боксерской стойке. Пусть это будет последний в его жизни бой.

– Во дает! – изумился надзиратель.

– Настырный пацан! – добавил второй.

И оба набросились на него. Крепкие, здоровые, они смяли его в один миг. Пару раз ударили в лицо, несколько раз – в живот. И, выбив из него дух, бросили в камеру.

* * *

Очнулся он от прикосновения мужских рук.

– Нет!!! – закричал он, отползая по бетонному полу назад.

– Эй, ты чо, Скрипач? Это же я, Голландец!

И точно, перед ним вырисовывалась озабоченная физиономия кента по пересылке.

– Ты?!. Но меня же к «петухам» вроде как бросили...

– И «петухи» у нас есть, – рассмеялся Голландец, тыкая пальцем в дальний угол просторной камеры. – Хочешь?

– Уж как-нибудь...

Он и представить себе не мог, что с мужиком можно как с женщиной.

– Это ты пока так говоришь. А когда «хочу» к стенке приставит, и на свинью полезешь...

– Это не по теме... Где я?

– У своих... Слыхали мы о твоей канители. Круто тебя в оборот взяли. К «дырявым» на съедение хотели бросить. Козлы! А ты, я смотрю, пацан зубастый. Будет из тебя толк...

Оказалось, что не зря он пер буром на надзирателей. Избили они его, промариновали в карцере, а затем сжалились, потому и бросили в обычную камеру. А там и воровская прослойка была. И Голландец туда днем раньше залетел.

– Слабину дал Хозяин, – рассказывал ему Голландец, когда он с пола перебрался на нары. – Прижали его таки «законные». На бунт зону подымут, если он воров ссучивать не перестанет. А ему «полкана» на погоны навесить должны. Вот он и ссытся. Наши здесь теперь законы. Только один второй отряд, мать его так, и держится... А вот тебя «кум» в оборот крепко взял. Но это ему вожжа под хвост попала. Уже успокоился... Только «отрицаловку» он давить все одно будет. Это его хлеб. Так что сладкой жизни не жди...

– Только к «петухам» пусть не бросает...

– А с Хозяином уже Король базарил, «смотрящий» наш. Шибко возмутило его, что воров к «опущенным» на съедение кидают. А слово Короля большой вес и для Хозяина имеет. Отвязались от тебя. Но все одно от «парилков» вроде этой никуда не денешься... Ну и в «кастрюле» тебя попарить могут. Ты там уже побывал...

Женя невольно вздрогнул, вспомнив ужасы карцера. Но лучше уж это, чем «петушня».

* * *

Как и предупреждал Голландец, ШИЗО для него стал домом родным. Отказался работать – в штрафной изолятор. Нагрубил начальству – туда же. И карцер иногда навещал. Но бить его больше не били.

Года через четыре в зоне окончательно установилась воровская власть. На «отрицаловку» администрация смотрела уже сквозь пальцы. За невыход на работы в ШИЗО еще сажали. А если на работу вышел, но ни хрена не делаешь, тогда живи спокойно.

Женя огрубел, заматерел. Из мальчика превратился в мужчину. На зоне он чувствовал себя вольно, как будто здесь родился, вырос и собирался прожить всю оставшуюся жизнь. За «стукачами» он не охотился, для него они как бы вовсе и не существовали. Хотя все же одного пришлось собственноручно насадить на заточку. И, конечно же, никто ничего не видел. Он не любил чуханов, тех, кто не следит ни за собой, ни за своей одеждой. С его подачи продырявили трех грязнуль. Правда, сам он о них не марался. Он вообще избегал мужеложства. Не по нем сии забавы. Мерзко уж больно.

Издеваясь над чуханами, себя он держал в полном порядке. Роба на нем всегда чистая, выглаженная, сапоги блестят. Нательное белье стирал себе сам, и каждый день. Можно было, конечно, шнырей припрячь, но ему запаadlo было, чтобы к его белью прикасались чужие руки.

Времени в неволе он зря не терял. Упражнял свое тело. Вычислил одного мужика, который чуть ли не в совершенстве владел карате. Брал у него уроки. И о фехтовании не забывал. Частенько устраивал поединки на ножах. Дрался и с мужиками, и с ворами. Вместо ножей в ход шли заточенные черенки алюминиевых ложек. Бились до первой крови. Но все же смертельных исходов избежать удавалось не всегда. Но тут уж винить некого. На поединок выходили добровольно.

И в карты он наловчился играть. Да не просто в «стиры шпилить», а «лохов катать». Его ловкие, быстрые пальцы творили с картами чудеса. Из него мог бы выйти отменный шулер-профессионал. Но он к этому не стремился.

Еще он довел до совершенства искусство вора-карманника. Он мог вытащить «лопатник» практически из любого положения. Впрочем, он не знал, пригодится ли ему все это в дальнейшем. Как это ни странно, зона вытравила из него вирус клептомании. И ему уже не

очень-то хотелось шнырять по чужим карманам. Не царское это дело. Хотя Цирюльник, а он вор в законе, считал по-другому. Но каждому, как говорится, свое. Его тянуло на более серьезные дела. Хотя он еще и сам толком не знал, на какие именно. Да ничего, выйдет на свободу, разберется. Но одно он знал точно. У него только одна дорога – воровать. И он с нее не свернет.

Пролетели годы. Отматывались последние месяцы срока. Скоро «звонок». Женья не особенно стремился к власти, но к этому времени дорос до правой руки «смотрящего» зоны. К двадцати девяти годам он окончательно сформировался как полноценный вор. Ни одного косяка он не упорол за все это время. Его совесть перед «молитвой» была чиста.

Глава 2

«Уазик» с затемненными стеклами свернул с Ленинского проспекта. Впереди замаячили мрачные корпуса Тригорского металлургического комбината. Индустриальный гигант тяжелой промышленности, «кормилец» четырех тысяч рабочих и служащих.

Два инкассатора хмуро смотрели вперед. Они везли зарплату рабочим завода. В объемистых сумках покоилось в общей сложности полмиллиона рублей. Огромнейшие деньги. Такие суммы перевозить смертельно опасно. Особенно сейчас, когда в городе появилась банда Соловья. Она уже успела прославиться дерзкими налетами на инкассаторов. И никто ничего с бандитами этими поделать не может.

У Соловья, поговаривают, на вооружении даже автоматы есть. И головорезов не меньше десятка. А их всего двое, и у каждого по пистолету. Что сделаешь с этими «пукалками»?

Но ничего, на этот раз все обойдется. Завод уже совсем близко. А к следующему разу, возможно, с бандитами будет покончено. Ведь доблестная советская милиция не даром свой хлеб ест...

«Уазик» выехал на перекресток. Он шел по главной дороге. Поэтому водитель даже не взглянул влево. У него преимущество, так почему он должен кого-то бояться? А когда он все же соизволил бросить ленивый взгляд в сторону, было уже поздно. Красномордый «МАЗ» на огромной скорости врезался в машину. Раздался оглушительный удар и скрежет раздираемого металла. Но водитель этого уже не слышал. По лобовому стеклу расплылись его окровавленные мозги.

Инкассаторы остались живы. Но поделать они ничего не могли. Контуженные, зажатые смятым металлом, в перевернутой машине они с ужасом наблюдали, как к ним подходят люди в черных масках и с пистолетами в руках. Автоматов видно не было. Впрочем, в данном случае без них можно было вполне обойтись. Что и подтвердили два выстрела – по одному в голову каждого из инкассаторов. Девятимиллиметровые пули, выпущенные из пистолетов Макарова с начальной скоростью в триста пятнадцать метров в секунду, оборвали их жизни.

В этот день рабочие двух цехов металлургического завода остались без зарплаты.

* * *

...Высокий, сухощавый мужчина лет тридцати, полный жизненной энергии, бодро подрулил на новенькой «шестерке» к подъезду своего дома.

Герман Николаевич спешил обрадовать свою жену. Сегодня в его жизни случилось знаменательное событие. Еще месяц назад его назначили исполняющим обязанности заведующего универмагом в самом центре Тригорска. И все это время его терзал страх: а вдруг его кандидатуру на должность заведующего не утвердят сверху? Но сегодня все страхи позади. Приказ о назначении в министерстве подписан.

А все-таки ловко он обскакал Савелия Игнатовича, этого пройдоху, уже лет десять ходившего в замах. Когда прежний заведующий ушел на заслуженный отдых, этот старый хрыч уже пристраивал свою толстую задницу на его место. Но сейчас не те времена. Объявлен курс на ускорение. «Новое мышление» в моде. Что это такое, никто толком не знал. Но, как бы то ни было, молодым сейчас дан зеленый свет. И его, молодого, а не старого, специалиста, назначили на перспективнейшую должность. Заведовать универмагом он будет недолго. Это всего лишь трамплин для дальнейшей блестящей карьеры. Лет пять, ну максимум десять, и он займет высокий пост в самом министерстве...

Он поднимался по ступенькам на третий этаж. Навстречу ему шел мужчина в засаленном пиджаке. Лицо помятое, отекшее, небритое. Ну и рожа!

Герман Николаевич невольно улыбнулся, поравнявшись с неряхой. И тут же почувствовал острую боль в правом боку. И свет померк перед его глазами.

На ступени он падал уже мертвым. Из его брюха торчала трехгранная заточка, разворотившая ему печень...

* * *

Сибирь оттянул у Хозяина в общей сложности четырнадцать лет, Пешка немногим меньше. Жизнь в неволе закалила их, научила убивать и рисковать своей жизнью. Вместе они составляли крутую пару. Один высокий и худой, другой низкорослый и коренастый. И тот и другой всегда готовы были пустить в ход «перо». Сутенеры, которые выгуливали своих «бабочек» под «Тригорьем» и «Большим Уралом», боялись их – страшное дело! И всегда исправно отстегивали им. Только в этот раз они что-то заартачились.

– С нас теперь Соловей дерет, – пряча взгляд, с дрожью в голосе сказал один сутик, когда они подошли к нему.

Сибирь и Пешка в ответ не сказали ничего. Один ударил сутика в солнечное сплетение, другой локтем угодил в челюсть. Бедняга осел на землю. Добивать его не стали.

Они слышали о Соловье. Крутые «разгоны» дает. Инкассаторы, сбербанки, ювелирные... И все проходит без сучка без задоринки. А теперь вот до путан добрался.

Пешка выловил еще одного сутенера.

– И тебя Соловей на карман поставил? – спросил он.

– Да...

В воздухе замелькали кулаки.

– Будешь, как всегда, отстегивать нам, – Сибирь пнул ногой распростертое на земле тело.

От «Тригорья» они направились к «Уралу». Подошли к дороге, и тут же перед ними остановилось такси. С хозяйским видом они заняли места на заднем сиденье.

– К «Большому Уралу»...

Таксист кивнул и тронулся с места. Не доезжая до «Урала» метров сто, он свернул вдруг в боковую темную улочку.

– Эй, ты чо это, чертила, творишь? – первым заподозрил неладное Сибирь.

Но было уже поздно. «Волга» остановилась, и с двух сторон к ней подошли люди со «шпалерами» в руках. Сибирь и Пешка были убиты выстрелами через стекла-боковики машины.

Такси снова тронулось с места и вырулило на Кутузовский проспект. Его путь лежал за город.

Тела Сибири и Пешки возврату не подлежали.

* * *

Рабочий день в сто сорок втором отделении сбербанка был в самом разгаре. Сегодня клиенты больше клали деньги на сберегательные книжки, чем снимали с них. Касса ломилась от денег. Шутка ли – триста тысяч рублей. Но волноваться нечего. Сейф крепкий, сигнализация исправна, связь с милицией надежная.

Только все это не помогло, когда в помещение сберкассы ворвались четверо в темных капроновых чулках, натянутых на голову. У одного был пистолет, у троих автоматы.

Одному посетителю прямо с ходу прострелили ногу. Он упал, корчась от боли. Рядом с ним залегли и другие. Бандиты не кричали, не ругались. Один автоматчик остался в зале – он взял на прицел посетителей. Трое зашли за стойку. Один из них навел автомат на кассиров. Двое прошли дальше, добрались до заведующего. Приставили ему к голове пистолет, вежливо попросили открыть сейф. Тот отказался. И тут же получил пулю в лоб. За него остался глав-

ный бухгалтер. Этот бандитам перечить не стал. Быстро выполнил их требование. Все заняло считанные секунды. Деньги из кассы сгрузили в мешок и понесли его к выходу.

Работники сберкассы пребывали в шоке с самой первой секунды вооруженного вторжения. Слишком уж всерьез и быстро развивались события. Но один кассир все же не растерялся. Нажал на кнопку вызова милиции. Когда бандиты уже были на улице, со стороны Кутузовского проспекта с завыванием sireны к ним уже мчался милицкий патруль. Его встретили автоматными очередями.

Белая с синими полосами «семерка» превратилась в решето. С визгом тормозов развернулась на месте, остановилась. Одна пуля попала в бензобак. Грохот взрыва оборвал грозный вой sireны.

Такого в Тригорске еще не случалось.

* * *

Полковник Калугин сидел в своем кресле мрачнее тучи. И хмуро смотрел на своих подчиненных, собравшихся за длинным полированным столом. Зазвонил телефон. Не глядя на аппарат, он двумя пальцами взял трубку, чуть приподнял и положил на место.

– Час назад я был в обкоме, – наконец начал он. – Получил нагоняй... Этого попрошу не записывать, – раздраженно добавил он. И продолжал: – Партия объявила курс на перестройку... Впрочем, херня все это, – как всегда, он терпеть не мог политизацию милицкой работы. – Но факт остается фактом. В городе орудует банда Соловья. Соловей-разбойник, мать его так. Только он не из сказки. Он из реальности. И десятки трупов ни на какую детскую хрестоматию не спишешь... Алексей, сообщи-ка нам информацию об этом ублюдке...

Он посмотрел на своего друга, подполковника Осипова.

Одиннадцать лет назад вместе с ним они задержали Евгения Лагунина, ныне известного среди «деловых» как Скрипач. А ведь он и вправду когда-то на скрипке играл. За решетку его спровадили. До сих пор он на зоне парится. Но, если он не ошибается, срок его выходит. Может, он уже и «откинулся». За всем же не уследишь...

Тогда Игнат капитаном был. А Леха уже майором. Но у друга что-то не сложилось. До подполковника только и смог дорасти за это время. Зато он сам шагнул до полковника, до начальника городского уголовного розыска. Его уже в область тянут. Только пока с Соловьем не справятся, продвижение ему не светит. А продвигаться по служебной лестнице надо. Лехе пора место свое освободить. Засиделся он в замах.

А на его место есть уже достойная кандидатура. Капитан Горбунов. Молодой еще совсем. Двадцать девять лет недавно исполнилось. Но волкодав еще тот. Самый лучший опер в городе. Это говорил он, полковник Калугин. А он словами разбрасываться не привык.

Ни жены нет у Никиты, ни детей. Его семья – это служба. И днюет и ночует при исполнении. Но в управлении его редко когда застанешь. Только на совещаниях и бывает. У него «на земле» дел выше крыши. Все за уголовниками охотится. Если попал ему на прицел, все, лучше сам протягивай руки к наручникам. От него редко кто уходит. У него дар раскрывать даже самые гиблые «висяки». Впрочем, это не только талант сыскаря, а еще и незаурядные организаторские способности. В уголовном мире у него агентов как ракушек среди камней на берегу моря. Без усталости их вербует. Кого-то на оклад ментовской умудряется посадить. А чаще всего за мелочь какую-нибудь прищучит, от уголовной ответственности отмажет, а потом из него кровушку вместе с интереснейшей информацией пить начинает. И все вежливо так, культурно.

Вот ограбили, например, магазин. Товаров на энную сумму унесли. И никаких следов. Все, «глухарь». Ан нет, за дело берется Горбунов. Он всех скупщиков краденого наперечет знает. И половина из них у него на крючке сидит. И пошел сбор информации. Семена отделяются от плевел, в итоге преступники оказываются у него на прицеле. Правда, доказательств

ноль целых хрен десятых. Барыгу, который воров засветил, Никита ни в жизнь в свидетели не отдаст. Это же все одно что подписать ему смертный приговор. А на подлость он не способен. Поэтому приходится брать на пушку. А допрашивать Горбунов умеет. Факт преступления налицо. Пусть он и недоказанный. Но подозреваемый об этом узнает, когда ему явку с повинной оформят и он в чистосердечном признании распишется. Тут уж заднюю скорость включать поздно. Мастерски Никита умеет в угол загонять...

И Осипов не лыком шит. Не даром хлеб свой сыскарский ест. Но и он сам, и Горбунов бессильны перед бандой Соловья...

– А что информация? – невесело отозвался со своего места Леша. – Информация только оперативная. Семь инкассаторов застрелили, пять служащих сберегательного банка, продавцу из ювелирного магазина пулю в сердце пустили. А еще, падлы, трех сотрудников милиции из автоматов расстреляли. Неслыханное дело...

– Неслыханное... – согласился Калугин. – Что у тебя, Никита?

Он обращался к своим подчиненным только по именам. И со всеми у него были дружеские отношения. Не допускал он в свой коллектив рутины закостенелого чиновничества. Уважение к начальству должно быть. И повиноваться подчиненный обязан. Но при этом необязательно вытягиваться перед начальником по стойке «смирно», записывать каждое его слово, поддакивать, прикидываться дураком. А некоторые начальники от этого аж балдеют. Для них это как наркотик. Но подобные отношения сковывают инициативу, отвлекают от самого важного в работе, ведут к очковитирательству. А в уголовном розыске это недопустимо.

– За последние два месяца в городе убито пять человек, – напомнил Горбунов. – Убийства вроде бы как не связаны между собой. Но есть основания подозревать, что это заказные убийства. Двоих убили заточкой, одного – ножом, двоих – выстрелами из пистолетов. Судя по всему, в городе действует хорошо организованная банда наемных убийц. Мы, конечно, знаем, что у нас в Советском Союзе банд и бандитов уже давно нет, – Никита криво улыбнулся. Наверное, вспомнил беседу с замполитом. – Но тем не менее в нашем случае мы имеем дело с бандой. Но главное, заказными убийствами, возможно, и занимаются бандиты Соловья. Для них же человека убить, что высморкаться...

– Все понятно, – остановил его Калугин. – Ты, Алексей, и ты, Никита, доложите обо всем этом «важнякам» из Москвы... Может, для вас это новость, но столица командировала к нам специальную группу из следователей по особо важным делам. Вот как достал всех Соловей... Оперативное обеспечение наше. Так что скучать нам не придется.

* * *

«Скучать нам не придется...» А можно подумать, до этого дня банда Соловья не приносила им особых хлопот.

Уже три месяца прошло с тех пор, как Никита пытается выйти на след Соловья. Но все безуспешно. Да, в криминальном мире о Соловье слышали, но лишь кое-что и поверхностно. Топтал он зону или же нет – этого не знает никто. Если чалился за колючкой, то скорее всего под другой кличкой. Соловьем он объявился здесь, в Тригорске, полгода назад. И заявил о себе громкими делами, о которых просто невозможно было не услышать. Состав его банды неизвестен. Только клички, и то не все. Цапля, Воробей, Чиж, Ворона, Ястреб. Прямо птичник какой-то. Наверняка эти погоняла своим людям дал сам Соловей, для порядка, что ли. А по милицейской картотеке, если они там есть, эти бандиты проходили под другими прозвищами.

Шифруются Соловей и иже с ним безукоризненно. Если у банды и есть «ямы» и «малины», то только свои собственные. Даже из уголовного мира Тригорска никто не ведает о местах их обитания. Никита напряг всех своих агентов. Но результат остался нулевым. Не видели, не слышали. А если вдруг кто и слышал, то предпочитает молчать. Уж больно крут

Соловей. Чуть что не так, «перо» в бок или пулю в лоб. И руки у него, поговаривают, длинные. Его боятся.

Нападения на инкассаторов и ограбления сберкасс продуманы до мелочей. Наверняка у них в арсенале есть информаторы не из уголовной среды. Но и тут мертвая тишина. Пока никаких зацепок. Грамотно работают подонки, никаких следов не оставляют. В масках и перчатках на дело идут – ни свидетелей нет, ни отпечатков пальцев. Если вдруг какая «рыба» попадется в сети, как идентификацию проводить, где улики брать? На «пушку» не возьмешь. Разве что только ствол засвеченный обнаружишь. Но так это еще неизвестно, существуют ли в природе эти стволы, или их уже давно уничтожили. Ведь бандиты не дураки. Они прекрасно знают, что такое баллистическая экспертиза.

Никита утверждал, что заказными убийствами занимается Соловей. Интуиция подсказывала. Но логика с ней не совсем соглашалась. Тринадцать удачных ограблений на счету его налетчиков, а это огромные деньги. В общей сложности не меньше пяти миллионов. Даже страшно подумать, какие деньги. До конца жизни каждому хватит, даже если в банде два десятка головорезов – а уже есть основания так предполагать. Так зачем еще заказные убийства на себя взваливать? Слишком уж это хлопотное дело. А какой навар? В далеком семьдесят втором накрыли банду печально известного Монгола. Он также практиковал заказные убийства. За человеческую душу его головорезы брали пятьсот рублей. Ну, Соловей, допустим, берет в десять раз дороже. Ну пусть пять тысяч рублей. А за один налет на инкассаторов у металлургического комбината он положил себе в карман полмиллиона. Так безопасней совершить одно крупное ограбление, чем убить сто человек...

И все равно он грешил на Соловья. Больше было не на кого. До его выхода на криминальную сцену в Тригорске еще не было precedентов заказных убийств. И вообще, от этого беспредельного ублюдка можно ожидать всего.

Пусть приезжают «важняки» из столицы. Может, у них и по семи пядей во лбу. Может, они и вычислят Соловья. Но и Никита будет продолжать из кожи вон лезть. Он найдет этого уголовного урода.

По его инициативе все пять заказных, как он предполагал, убийств выделили в одно производство. Он обеспечивал оперативную поддержку как раз тому следователю, который вел это дело. И уже кое-что накопал.

Все пятеро убитых принадлежали к элитной прослойке влиятельных торговых работников. Заведующий универмагом, заместитель, а вместе с ним и сам заведующий торговой базой, два аппаратчика из областного управления торговли. А ведь Соловей, насколько известно, не интересовался магазинами, разве что ювелирными. И склады не бомбил. И в аферах с дефицитом замечен не был. Значит, кто-то заказал ему этих торгашей. И искать этого «кого-то» нужно в их среде. Но зацепка эта слишком уж скользкая, чтобы за нее браться. Но вычислять все же надо. Ухватишься за заказчика, возможно, вытащишь и цепь, которая за ним тянется. Надо бы между делом навести кое-какие справки...

* * *

Таня Малахова с детства хотела красиво одеваться, вкусно есть, сладко спать. Но желания, как это часто бывает, не совпадали с возможностями. Ее родители имели по два высших образования, оба защитили кандидатские диссертации. Но все это, кроме уважения коллег по работе, им ничего не дало. Оба трудились в каком-то зачуханном НИИ рядовыми научными сотрудниками с окладами в сто двадцать рублей в месяц. Хорошо, еще квартиру однокомнатную умудрились получить.

Конечно, Таня не голодала, в обносках не ходила. Она ничем не отличалась от большинства своих сверстниц. Но это и плохо, что она ничем не отличалась. А она хотела отличаться.

Бутерброд с «Докторской» колбасой на завтрак, тарелка борща и вермишель с гарниром на обед, манная каша на ужин – все это не то. Ей подавай красную икорку, лангусты, ананасы в шампанском. И одеваться в тон серой массе советских трудящихся ой как неохота. Вот джинсы «Райфл», фирменные водолазки, соболиные шубы – вот это самое то. И машину свою собственную хорошо бы иметь.

Но где взять на все это денег? Ответ простой. Закончить институт, устроиться на работу и зарабатывать... Как бы не так. Много ли заработаешь? Много ли ее предки за двадцать лет трудового стажа нажили? А ни хрена!

Внешностью Таню природа не обидела. Красивая девка вышла, ладная. Личико смазливое, натуральная блондинка, роскошное тело. Мужики от нее балдеют. Да и она от них тоже. Девятнадцать лет ей всего. А переспала она уже не с одним десятком красавчиков. Может быть, в Советском Союзе и нет секса, как утверждают некоторые. Но в ее постели секса хоть отбавляй. Любит она это дело до безобразия.

А ведь кто не знал, тот даже и не догадывался о ее страстном влечении к мужчинам. В обычной обстановке она держалась с ними холодно – не строила им глазки, не обжигала плотоядным взглядом. К ней подбирались как к неприступной крепости и удивлялись, когда она падала к ногам завоевателя при первом же орудийном залпе.

– Дура ты, – как-то раз сказала ей Лялька, подружка. – За бесплатно передком работаешь. А я вот нет. Я своим телом зарабатываю.

Одевалась Лялька круто. Фирма сплошь и рядом. А косметика у нее – закачаешься. Дорогая, французская. И в кошельке купюры хрустят.

– А еще в кабак каждый день таскают. Балдеж!.. Хочешь, с человеком сведу?

Еще бы не хотеть! Отдаваться мужикам и еще получать за это приличные деньги? Да она же чуть ли не с детства об этом мечтала...

В тот же день вместе с Лялькой они поймали такси и поехали куда-то за город.

– Куда мы?

– К боссу. Сауну он для клиентов заказал. До утра развращать их будет. Но прежде чем в дело тебя пустить, он оценить тебя должен. Через себя пропустит. Ты в рот умеешь? – как о чем-то будничном спросила Лялька.

– Не поняла...

– Французской любовью, или минетом, это дело называется. Короче говоря, берешь член в рот и сосешь...

– Понятно... – Таню это нисколько не покорило. – Только я не пробовала...

– А ты попробуй! – рассмеялся вдруг таксист, внимательно слушавший их разговор.

Тертый мужик. Грубый, нахальный. Лялька от таких тащилась.

– Сколько там на счетчике? – лениво спросила она у него.

– Да червонец уже настучал... Чо, натурой хочешь?

– Как ты угадал?.. Давай, подставляй...

Мужик не растерялся, быстро съехал с трассы и остановился. Лялька в мгновение ока оказалась на переднем сиденье, расстегнула ему брюки и вывалила наружу его достоинство. Таня смотрела на это затаив дыхание.

– Учись, пока я жива! – весело посмотрела на нее Лялька и проглотила его толстую сардельку целиком.

Танюха не сводила с нее глаз.

Все, теперь она знала, как произвести впечатление на своего будущего босса. Она предстанет перед ним древнегреческой богиней, познавшей все прелести вселенской любви.

* * *

Гена Колодин закончил техникум советской торговли на одни тройки. Ну, не блистал он знаниями и усидчивостью. Тут уж ничего не поделаешь. Потом в армии, как положено, отслужил. А после мама устроила его на какую-то захудалую торговую базу товароведом. То партию каких-то калош принять надо, то кирзовые сапоги в сельмаг отвезти, под отчет сдать. Лопаты, грабли, ведра, керосиновые лампы и всякое только в деревне и нужное дерьмо – все это маячило перед глазами. А первые три месяца сельхозтовары снились ему в кошмарных снах.

Да, торгаши живут неплохо. Это не секрет. В эпоху тотального дефицита неофициальные накрутки на ходовой товар складываются в солидный «левый» доход. Умей крутиться, будь осмотрительным и сильно не зарывайся – и будешь жить безбедно до конца своих дней. Но, помимо всего этого, нужен еще и доступ к дефициту. А у Гены его как раз не было. Да и развернуться на своем месте он не мог.

Но у него была деловая хватка. Он был откровенно слаб в теории. Зато с ходу осваивался с практикой. А скоро он научился и приспосабливаться к обстоятельствам.

Однажды Павел Лукьянович, заведующий базой, принимал какую-то инспекцию из области. Комиссия есть комиссия. Ее нужно встретить, приветить, накормить, обогреть, желательно пятизвездочным коньяком. С этим сравнительно молодой заведующий справился на пять баллов. А потом одному сластолюбцу вдруг девку захотелось. А с этим вот вышла осечка. Как-то не подумали.

А тут вдруг Гена под руку попался. Девки нужны? Сколько? Три! Один момент!..

Этот один момент на два часа растянулся. Но важно не время, а результат. А результат налицо. На «тройке», которую ему мама в прокат сдала, домой смотался. Друга своего взял. С ним подкатили к ПТУ, где девки швейному делу обучались, сняли троих без комплексов. Чуть подпоили, обещаниями накормили и вперед, к гостинице, где их Лукьяныч ждал. Девки злыми оказались. С таким энтузиазмом набросились на ревизоров, что у них затем по три дня на баб не вставало. Комиссия осталась довольной. Обещали вскорости еще наведаться. И наведались. Только проверяли они уже не бухгалтерию, а качество поставляемого женского товара. И Гена снова оказался на высоте положения.

Скоро и вовсе житья от комиссий не стало. Только приезжали уже не просто ревизоры, а чиновники из областного управления. Гостиницы и коньяк – это само собой. Но девок подавай уже обязательно. Не зря же они к ним ездят. И Гена старался. У него уже была своя женская спецбригада «скорой помощи». «Больных» она обслуживала без всяких записей в жалобную книгу. От неудовлетворения не умер никто.

Как-то не задумывался Гена о женской сущности. А теперь задумался. Целок из себя бабы, оказывается, только из понта корчат. А пообщаются веселой ночью с мужчинами, выпьют хорошо под сочную закуску, и все, ноги сами идут врасстырку. Трахаются за милую душу. А утром снова недотрог из себя строить начинают.

Лукьяныч, было время, волком на Гену смотрел. Устроил, мол, притон. А когда выгода от комиссий вдруг пошла, когда его в пример остальным ставить начали, успокоился. Первым помощником для него он стал. И суетиться начал, чтобы баньку с финской сауной на территории базы построить. На это Гена его подбил.

Правда, попариться в этой баньке Лукьянычу пришлось уже в качестве заведующего другой, более крупной базой. Но он этому был только рад.

Чиновники из областного управления баньку жаловали. Еще бы! И обустроена она со вкусом, и пиво там всегда холодное, свежее, а какие девочки там банщицами прислуживают... Эх, красота, эх, лепота... Только новый заведующий базы уже был вроде как и ни при чем. И неудивительно. Ведь сауной и девочками Гена заведовал. А расходы на стол с обязатель-

ными пивом и красной икоркой списывались на счет специальной статьи в бюджете областного управления. Вот, оказывается, как высоко взлетел Гена вместе со своей банькой.

Важным человеком стал Гена, незаменимым. Только недолго он собой гордился. Гостей ведь встретить надо, ублажить, на стол красиво подать, девочками покладистыми обеспечить. То, что унижаться приходится, это одно. А проблема с девочками – это другое. Он прекрасно понимал, что ходит по лезвию бритвы. Каких он девочек поставлял? В основном несовершеннолетних потаскушек. Если триппером кого из гостей наградят, кто за это в ответе? Он, Гена. Но тут он отделается устным порицанием. А вот если кого по пьяни изнасилуют? Или малолетка заяву накатает в милицию, мол, совратили ее? На кого шишки посыплются? Опять же на него. Но тут уже не выговор, а приговор суда ждет. И тогда добро пожаловать к нам на Колыму! Можно, конечно, совершеннолетний «товар» поставлять. Но что от этого изменится? Ведь статью за сводничество в Уголовном кодексе никто не отменял.

Он никогда не был трусом. Не боялся риска. Но ведь у всего своя цена. Надо просто знать, ради чего он рискует. Ради голого оклада рядового товароведа, на котором его держат? Но это же смешно!

Нужно что-то делать. А что? Прежде всего приспособиться к обстоятельствам.

У него особенные связи с нужными людьми. А он их, дурак, не использует. Что ж, исправим минус на плюс. Для начала он достал по госцене два десятка пар джинсов «Левис», страшнейший дефицит. И загнал их по спекулятивной цене. Потом то же самое проделал с мелкой партией импортной обуви. Появились «левые» деньги. Он расширил дело. У него появились постоянные клиенты. Он был нужен всем. Еще бы! Ведь он мог достать все! Холодильник нужен?.. Нет проблем. Спальный гарнитур чешский?.. Обождите пару деньков. Видеомагнитофон?.. Что ж, попробуем. И у него все получалось. Деньги сами шли к нему. Сильно он не зарывался. Знал, ОБХСС всегда на страже. Если пронюхает, берегись. Если следователь сговорчивый попадется – деньги все до копейки на откупные отдашь. Если честный окажется – суши сухари.

Много сил он в девок своих вложил. Все же не так просто оказалось находить телок и некорявых и развратных одновременно. Это только для первого раза не трудно. «Мочалка», она разок-другой под клиентом задарма побывает, а потом заднюю включает. А принуждать будешь, как бы в милицию прямым ходом не отправилась. Но не все были такие. Сколотил он таки крепкий костяк «честных давалок». И в одно прекрасное время его осенила не менее прекрасная мысль, показавшаяся ему такой естественной. Если телки всего лишь ради романтики разгульной ночи, за выпивку и закусон передок свой подставляют, то почему бы их не пустить в оборот за деньги.

Вместе со своим дружком он начал поиск клиентов. Нелегким это дело оказалось, но доходным. За полтинник телку в эксплуатацию сдавали. Половину забирали себе. За ночь рублей по двести с Витьком на двоих заколачивали.

Дальше больше. К Витьку присоединился Лапоть, затем Мишаня с Бормоглотом. Мишаня совсем недавно вернулся с зоны. Крутой пацан по виду. Но Гену слушается. Парни они все крепкие и не робкого десятка. Поколотили двух студентов, которые девок у гостиницы «Самоцветы» пасли. Отбили у них «пастбища». Теперь их путаны сами клиентов искали. В «Самоцветах» много командированных, жаждущих продажной любви по сходной цене. Пятьдесят рублей за ночь. Ни много ни мало.

Потом еще три гостиницы к рукам прибрали. Но все из тех же, из второразрядных. На «Тригорье» и «Большой Урал» не зарились. Там сутенеры крепко на ногах стоят. Их воровской синклит «крышей» своей кроет. Только сунься, без головы останешься.

Помимо своей работы на панели, уже ставшей основной, его девочки продолжали исполнять трудовую повинность на еженедельных вечеринках с представителями торговой элиты. Кстати, банька его топилась по субботам. Так что у девочек были самые настоящие «суббот-

ники». Они ничего не получали. Получал он. Ублажая своих боссов, он оставлял за собой доступ к дефицитным товарам. А «фарца» приносила ему немалую прибыль. Кроме того, на своих гостей он завел нечто вроде тайной картотеки. Кто где живет, кто чем занимается... Даже, интереса ради, делал примерный расчет «левых» доходов каждого. Была мысль компромат на каждого заиметь. Ну а вдруг кто-нибудь засечет его с фотоаппаратом в руке? Зачем ему лишние неприятности?..

К восемьдесят шестому году Гена значительно расширил свою торгово-спекулятивную сеть. Доходы его росли. Немало он имел и с девочек. Шутка ли, он держал в узде больше полусотни путан. Они работали везде. В гостиницах, в ресторанах, на железнодорожном вокзале, просто на улице. А вот если бы к «Тригорью» и «Уралу» подобраться, тогда бы дела еще круче развернулись. Там ведь целый этаж под иностранцев отведен. А это валюта. И ресторан там крутой. «Цеховики», подпольные миллионеры там собираются. По двести рублей за клевую телку выкладывают не торгуясь. И это всего за час.

И надо же такому случиться, «Тригорье» и «Большой Урал» отошли под него. И без всяких его на это усилий.

Банда Соловья в городе объявилась. Вот это бандиты так бандиты. Всех кого ни попадая мочат. На инкассаторов, на банки дерзкие налеты совершают. А это миллионы. Но и «земли» не чураются. Первым делом прибрали к рукам проституток у самых крупных гостиниц города. Разборки у них с блатными крутые были. Поговаривают, что двое из местных после этого исчезли, как в воду канули. Скорее лежат где-нибудь сейчас под метровым слоем земли, никто не узнает, где их могилки... А потом и его, Гену, за хобот взяли.

Подошел к нему раз какой-то мужик с габаритами «два на два».

– Ты Колода? – спросил он.

– Ну я...

– Слушай сюда, сутик конченный. – Его бы вежливости поучить, да больно уж вид у него грозный. – Я от Соловья. «Тригорье» и «Урал» твои. Паси своих телок. Но половину навару от сучек своих нам отстегиваешь...

Все ясно, бандиты Соловья навели справки обо всех городских сутенерах и решили, что Гена Колодин подходит им больше всего. Он будет контролировать проституток в центре города, а они будут контролировать, в свою очередь, его самого. Предложение заманчивое. Но половина – это уж слишком. Уж лучше без «Тригорья» с «Уралом» обойтись.

– Да ты что?.. Так не пойдет...

Но его и слушать не стали.

– Ты, шавка, пасть свою заткни... Или, может, тебя в расход пустить? – Нет, – побледнел Гена.

– Тогда живи...

Так он стал работать на Соловья. Через месяц пришел гонец от него. Забрал свою долю и так, словно бы невзначай, обронил:

– На мусоров тебе козлить, я вижу, резону нет. Поэтому берем тебя в долю...

– Так я и так уже вроде как в доле с вами...

– Я не о шалавах твоих... Ты давай, пацан, клиентов нам подыскивай...

– Не понял...

– Щас поймешь. Враги у тебя есть?

– Ну есть...

– А их может и не быть. Отстегни нам «кусок», и все, можешь навсегда забыть о них. Усек?

– Понял... – внутри у него все опустилось.

– Найдешь заказчика, бери с него все два «куска». Половина тебе, половина нам... Легко сказать... Где он найдет заказчика? Да и мутное это дело... Но выбора у него не было. Ему не

зря определяли роль «диспетчера смерти». Этим его накрепко привязывали к банде Соловья. С того дня, как по его наводке хлопнут первого человека, у него никогда не возникнет желания сдать своих покровителей ментам. А если он откажется, они найдут другого. Но кого – об этом он уже никогда не узнает по причине внезапной кончины. Соловей шуток не признает... Ну и влип же он...

Баньку на территории торговой базы уже год как предали забвению. За городом выстроили нечто вроде тайного центра досуга для подпольных миллионеров. Сауна, бассейн, массажные кабинеты, номера для интима и отдыха. И над всем этим поставили его, Гену. Строился сей засекреченный притон на средства торгашей. Поэтому для прежних клиентов девочки оставались по-прежнему дармовым развлечением. Но сюда взяли за правило приезжать для отдыха представители других, так сказать, народнохозяйственных прослоек. Директора заводов, фабрик, крупных строительных управлений, «цеховики», короче говоря, те, кто имел приличный левый доход и не жалел денег на пикантные удовольствия. С этих путаны брали плату. И весьма приличную. Но никто не обижался.

Гена давал стопроцентную гарантию, что о тайных похождениях клиентов никто и никогда не узнает. И хранил свое обещание. Он не собирал компромат для последующего шантажа нужных людей. Но вот картотеку свою тайную вести продолжал. Так, на всякий случай.

Не все, окосев от коньяка и водки, спешили забраться на девку. Спиртное имело одно коварное свойство: превращать солидных, респектабельных людей в тряпку. И тогда на Гену выливались потоки жалоб на жизнь. И он прислушивался. Ведь даже в пьяных стенаниях есть большая доля истины. Так он узнал, что один товарищ обижен на своего молодого коллегу, который обскакал его по службе, в обход его занял кресло заведующего универмагом. А ведь по праву это кресло принадлежало якобы ему.

Когда товарищ протрезвел, Гена как бы невзначай напомнил ему о доверительной беседе.

– Проблема ваша разрешима, – загадочно улыбнулся он. – Как говорил великий Сталин, нет человека – нет проблемы...

– Не понимаю...

– Если кресло завмага освободится, кто займет его?

– Я! – Глаза товарища загорелись алчным огнем.

Видно, что близко к сердцу принимает он эту проблему. С такими легко работать...

– Тогда с вас две тысячи рублей и плюс червонец на венок...

– На какой венок?

– На траурный... Вашего, скажем так, конкурента ликвидируют...

– То есть как?..

– А вот так... Бах, и нету...

– Вы это серьезно?

– Вполне... Так вы согласны?

– Я подумаю...

Через три дня первый заказ был сделан. Деньги и краткие сведения об объекте уничтожения Гена отнес на почту, положил в специальную ячейку. А затем позвонил связнику. Люди Соловья тщательно конспирировались. И это ему нравилось.

Скоро об услугах, которые оказывает Гена, уже знали некоторые из его постоянных клиентов. И появились предложения. Слишком уж заманчивым показалась перспектива всего за две тысячи рублей убрать хотя бы одного своего врага. Он понял: люди ничем не лучше крыс, поедающих себе подобных. Такова уж их мерзкая сущность.

Информация о заказных убийствах должна была остаться в узком кругу его клиентов. За это Гена как-то не очень и переживал. Он знал, что его клиенты не из тех людей, кто чешет языком без разбору.

Так Гена стал посредником между жизнью и смертью. И заказы продолжали поступать. Но сегодня посланец от Соловья дал ему отбой. Банда, как он выразился, ложится на дно. Но за «пастбища» свои переживать, он сказал, не надо. Они будут следить за ними. И если вдруг что, накажут тех, кто посмеет на него наехать.

Банда ложится на дно. А может, она скоро и вообще перестанет существовать. И тогда «Тригорье» и «Урал» снова отойдут под местный воровской синклит. И, возможно, Гену оставят «пастухом». Ведь блатным без разницы, с кого снимать дань.

Да, хотелось бы, чтобы банда Соловья исчезла навсегда. Страшно ему...

Гена стоял по грудь в бассейне. Вечер еще не наступил. Клиентов встречать рано. Но работа у него есть. Надо оценить новую девочку.

И вот она появилась. Величественно, грациозной походкой она прошла по кафельному полу и остановилась на краю бассейна. Закинула руки за голову и потянулась, как похотливая кошка, выставила напоказ свое обнаженное тело. Длинные ноги, чуть широковатые бедра, узкая талия, полный бюст. И роскошные светлые волосы. Лицо красивое. Клиенты от такой телки будут в полном восторге.

Да он и сам уже в кайф от нее вошел.

На него работает уже не тот контингент шлюх, которыми он ублажал своих первых клиентов. Из старых остались самые симпатичные. А к ним прибавились особы легкого поведения и повышенной степени смазливости.

Красотка обдала его томным взглядом, сладко улыбнулась и ласточкой нырнула в воду. Быстро подплыла к нему и, не выныривая на поверхность, припала ртом к его «трубке». Это было что-то. Работала она под водой энергично, хотя и неумело. Он уже готов был пустить сок, когда она оторвалась от «источника» и вынырнула. Похотливо ему улыбнувшись, она припала ртом к его губам. А вот это она зря.

Гена схватил ее за волосы, оттянул от себя. Зло посмотрел на нее и наотмашь ударил по лицу.

– Ты же соска! – выкрикнул он. – В рот у всех берешь. А целоваться лезешь...

Но девушка его не слушала. Она с ненавистью смотрела на него. Ее щека, по которой он ее ударил, налилась болезненной красотой.

– Давай сначала. Только целоваться больше не лезь... Ныряй!

Злилась она на него или нет, но она послушно опустила в воду и принялась исполнять минет. На этот раз Гена успел кончить.

* * *

Валя стояла на перроне вокзала и махала вслед уходящему поезду. В специальном вагоне, выделенном для детей, уезжал ее сын. Поезд уносил его на юг, в пионерский лагерь, на все три летних месяца.

Нелегко было выбить путевку, тем более на такой долгий срок.

Дима родился десять с половиной лет назад. Когда она приходила на последнее свидание к Жене перед тем, как его должны были отправить по этапу, срок беременности уже составлял три месяца. Это был Женин ребенок. Но он об этом не знал.

И в письмах к нему она не обмолвилась об этом ни словом. И когда на свидания к нему ездила, молчала тоже. Она любила Женю, верно ждала его. Ни одного мужчины, кроме него, у нее не было. Но он ее не любил, и она понимала это. Хотя делала вид, что это вовсе не так.

Она обрекла себя на эту любовь. Добровольно принесла себя и свою жизнь ей в жертву. Ведь она знала, что, кроме Жени, она не сможет полюбить никого. Любой мужчина казался ей чужим, она боялась их как огня. Впрочем, своей жизнью она была довольна.

Появление малыша ее родители встретили в штыки. Но она заявила им, что сама хозяйка своей судьбы. И они успокоились. Перестали лезть в ее личную жизнь. И даже возмутились, когда она сказала, что решила съехать с их квартиры. Они уже успели полюбить внука. Валя поразмыслила и осталась жить с ними.

После окончания института она устроилась рядовым сотрудником в городской отдел архитектуры. И вот уже семь лет трудится все на той же скромной должности. Это ее нисколько не угнетало. Она не стремилась сделать себе карьеру. Она жила в своем собственном мире. Она, Дима и Женя, которого она, несмотря ни на что, считала членом своей семьи. А потом, как молодому специалисту и матери-одиночке, ей выделили однокомнатную квартиру. Больше она от своей работы, наверное, и не ждала.

Жили они с сыном небогато, но дружно. Он рос послушным, добрым мальчиком. И общительным. Не то, что его отец, у которого слова клещами, бывало, не вытащишь. Она гордилась своим сыном.

В лагерь Диму она отправила не просто так. Скоро, совсем скоро должен был вернуться из зоны Женя. Она ждала его. Надеюсь, что он будет жить с ней. Хотя и не верила, что это продлится долго. Когда-нибудь он снова уйдет от нее. Или к другой женщине, или снова возвратится за колючую проволоку. Жить нормальной человеческой жизнью он не собирался, для нее это не было секретом. Так уж лучше пусть Дима не знает, что его отец вернулся. Незачем травмировать его юную душу. А если Женя задержится у нее, а тем более останется с ней навсегда, тогда она только рада будет свести их вместе. Пусть знает тогда Женя, что у него есть сын.

А еще она не хотела неволить Женю. При всей своей душевной черствости он обладал чувством долга. В этом отношении он был на голову выше многих людей, далеких от уголовного мира. Он не был подлецом. Поэтому, узнай о сыне раньше времени, он мог остаться с Валец против своего желания. Из чувства долга. А неволить его она не хотела. Пусть живет как знает...

Завтра она снова придет на этот вокзал. Вчера получила телеграмму от Жени. Приезжаю, встречай... Она задышалась от счастья.

* * *

Помятый, замызганный костюм-тройка, в котором он одиннадцать лет назад шел по этапу, трещал по швам. Размер уже был не тот. Женя повзрослел, возмужал, вытянулся в росте, раздался в плечах. Но, кроме этого тряпья, надевать было нечего. Да ладно, в кармане у него три тысячи рублей, его эковская зарплата – он никогда не работал, деньги на его счет капали. Доберется до ближайшего города и купит себе новый костюм. Главное, он уже на свободе.

Женя вышел за ворота КПП и зажмурился от яркого солнца. Полной грудью вдохнул свежий воздух. Он мог наслаждаться тем же самым солнцем и воздухом за колючей проволокой. Но солнце там светило как-то не так, воздух был не тот. Здесь – совсем другое дело...

Неподалеку от него с открытой дверью стояла желтая «Волга» с черными шашечками на капоте и дверце. Таксист дремал, откинувшись на кресле. А от машины к Жене уже шел молодой человек в джинсах и майке-безрукавке. Грудь колесом, бицепсы как чугунные шары, морда кирпичом, глаза маленькие, глубоко посаженные. На правом плече виднелась татуировка. Мотал срок и по «хорошей» статье, но по малолетке.

Пацан подошел к нему и улыбнулся, обнажая золотую фикса во рту.

– Я – Коготь. За тобой, Скрипач...

Не думал он, что его кто-то будет встречать. Ведь у него на воле нет старых дружков, которые сочтут за честь приехать за ним.

– Меня Цирюльник подогнал...

Теперь все встало на свои места. Не забывает о нем старый вор. И не хочет, чтобы он забыл о нем. Он привечает его и тем самым привязывает к себе. Нельзя, мол, быть волком-одиночкой. Вне стаи пропадешь. Что ж, Женя не возражает...

Из зоны он выходил уважаемым вором, «дворянином». Биография у него была в порядке. Не замарал себя сотрудничеством с официальной властью: пионером был по недомыслию, а в комсомоле никогда не числился. И чести своей ничем не запятнал. «Молитву» читал, жил по понятиям, жестоко расправлялся с отступниками. Всего двадцать девять лет ему, и он уже в большом авторитете – еще один шаг, и станет вором в законе. Но шаг этот дается не каждому. Возможно, останется у черты и он. Впрочем, проживем – увидим.

Женя молча сел на переднее сиденье. Это в других странах уважаемому человеку отводится место сзади, с правой стороны. Так безопасней. Но он живет в своей стране, где думают иначе. Коготь покорно устроился сзади.

Он что-то ему рассказывал. Но Женя его почти не слушал.

– Ты у Цирюльника в «шестерках» ходишь? – резко спросил он, когда ему надоела его болтовня.

– Ну, да, – тот даже не обиделся.

Но рта больше не открывал.

Так он и думал. Не чувствуется в этом пацане значительного веса. Ну а так он вроде бы и неплохой. Из него еще может выйти толк. Но об этом он подумал между прочим.

Такси доставило их к городу, откуда поездом можно было добраться прямо до Тригорска.

– У меня уже билеты, – сказал Коготь. – На сегодня...

– Сдай их в кассу, – отрезал Женя. – Закажи на послезавтра. И гостиницу организуй...

Коготь послушно кивнул и исчез.

«Шестерка» есть «шестерка». Хоть при Цирюльнике, хоть при нем. Он не позволит Когтю быть с ним на равных.

Гостиница в городе была одна. Поэтому он мог не бояться, что разминется с Когтем. Впрочем, он вообще ничего не боялся. Даже смерти.

Женя зашел в единственный в городе универмаг. Прямым ходом направился в директорский кабинет. Зашел к заведующему, не спрашивая разрешения. Дверь, как говорится, открыл ногой.

– Вам чего, молодой человек? – подозрительно уставился на него тучный мужчина с хитрыми глазками.

Он был явно раздражен вторжением незваного гостя. Да только скоро недовольство на его лице исчезло.

– Да вот, откинулся я на днях, – сказал Женя, усаживаясь на стул и глядя в глаза хозяину кабинета. – У Хозяина за «решками» за мокруху чалился. В натуре...

В его спокойном голосе чувствовалась непоколебимая уверенность в себе. Его жесткий магнетический взгляд обладал мощной умиряющей силой. Он надавил им на толстяка, подчинил себе его волю.

– И что? – уже вежливо спросил тот.

– С вашего позволения, я хотел бы приобрести в личное пользование приличный костюм. Я бы не возражал, если бы вы мне предложили Италию или Австрию. Впрочем, меня устроит и ГДР, – Женя уже давно не упражнялся в изящной словесности.

Но хозяина кабинета удивили не его вычурные фразы. Его изумила его наглость. Впрочем, возражать он не стал. Но и своего упустить он не мог.

– Хорошо, только на госцену не рассчитывайте... Сами понимаете, в стране дефицит.

– Без базара...

На складе, в специальном углу, для него отыскался отличный костюм-тройка. Качество отменное, и размер тютелька в тютельку. И пару рубаш из белого натурального шелка он вытор-

говал. Три галстука взял. А еще дефицитные туфли, германская «Саламандра». Все за двойную цену. Он не скупился.

Весь следующий день Женя приводил себя в порядок. Отоспался, сходил в парикмахерскую. Перед выходом на свободу он отращивал волосы. Но их нужно было привести в приличный вид. В городе был косметический салон. Он и туда не побрезговал сходить. Ему подчистили и подровняли ногти, на лицо положили специальную маску. За годы заключения кожа его лица огрубела, а он хотел вернуть ей былую мягкость.

В день отъезда он дал телеграмму Вале. Пусть встречает. Он скучал по ней. Да, скучал. Пусть и не любил он ее, но она принадлежала ему. Она верно ждала его, на свиданиях и в письмах отогревала его душу. Он не мог обмануть ее ожиданий.

Никто не смог бы определить в нем матерого уголовника, еще два дня назад «топтавшего» зону. Прилично одетый молодой человек, красивый, холеный, ухоженный. Одним своим видом он вызывал доверие. А его скромная дежурная улыбка воспринималась как искренняя.

Он ехал с Когтем в одном купе. Их отношения можно было назвать приятельскими. Ведь он не был фраером. Он из блатных, а значит, свой человек. Но на второй день пути Женя вынужден был подать ему тайный знак. Он должен был сделать вид, что не знает его.

А все потому, что к ним в купе подсел солидного вида товарищ, от которого пахло деньгами. Но где он хранит «лопатник», Женя пока не определил. Или в сумке, или в «дипломате», или в пиджаке, который он повесил на крючок.

– Вы знаете, – с заговорщицким видом, наивно улыбаясь, сказал ему Женя, когда Коготь вышел в сортир, – я везу с собой деньги. И сегодня ночью не сомкнул глаз. Вы видели этого гражданина? – кивнул он вслед своему спутнику. – Уж больно темная личность. Наколка на плече. Явно уголовник. Как бы не случилось чего...

– И мне он показался подозрительным, – легко согласился мужчина.

И невольно метнул взгляд на свой пиджак. Сам того не ведая, он указал Жене, где хранит свои деньги. Его «лопатник» был обречен.

Поезд подходил к какой-то станции. И в это время мужик собрался выйти по нужде.

– Если вы в туалет, то сейчас нельзя, населенный пункт... – вежливо предупредил его Женя.

– Да, ладно, чепуха какая... – грубо отмахнулся он и снял с крючка свой пиджак.

Надевал он его на ходу. Бойтся оставить деньги без присмотра. Ну да это ему не поможет.

– Я выхожу, – сказал Женя, когда остался наедине с Когтем. – Ты свалишь на следующей станции. Живо дезинфекцию сообрази...

Желательно, чтобы в купе не осталось его отпечатков пальцев.

Мужчина возвращался из сортира, когда поезд уже остановился. Любезно улыбаясь, Женя шел ему навстречу.

За шаг до него он споткнулся и словно бы невзначай оперся на него.

– Я пойду свежим воздухом подышу, – сказал он так, как будто ничего не случилось. – Может, куплю чего. Вы уж будьте добры, если я вдруг опоздаю, нажмите на стоп-кран. Мне нельзя отстать от поезда.

Мужчина посмотрел на него как на идиота. Он отходил от него, усмехаясь. Ага, будет он останавливать поезд ради какого-то придурка! Штраф еще платить... Только он еще не знал, что штраф ему платить было бы нечем.

* * *

Валя стояла на вокзале и ждала заветный поезд. И ее радости не было предела, когда она услышала гудок тепловоза. Седьмой вагон остановился как раз напротив нее. Радостно

улыбаясь, она смотрела, как выходят из него люди. Но скоро ее улыбка начала тускнеть. Она совсем потухла, когда из вагона вышел последний пассажир. Жени среди них не было.

Обманул, не приехал...

Домой Валя возвращалась в расстроенных чувствах. Переживала она и весь следующий день. И сон не принес ей облегчения. Проснулась она в предрассветный час. Ей показалось, что скрипнула входная дверь. Потянуло сквозняком. Значит, ей не показалось. Так и есть, кто-то открыл дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.